

Овезозар Чернов

БЕЙКЕР-СТРИТ
и скрестности



Светозар Чернов
Бейкер-стрит и окрестности

«Adventure Press»

2013

Чернов С.

Бейкер-стрит и окрестности / С. Чернов — «Adventure Press»,
2013

Занимательный справочник-путеводитель по викторианской эпохе – эпохе Шерлока Холмса. Не только сама Бейкер-стрит, и даже не только знаменитый дом 221Б со всем, что внутри, а также соседями и владельцами лавок, фотоателье, корсетных мастерских, портными, почтальонами, полицейскими и, само собой, частными детективами. Во втором издании читателю предстоит, кроме всего перечисленного, пересечь Ла-Манш и Атлантику, узнать, как готовиться к путешествию и какие знакомые и незнакомые ситуации ожидают его в пути.

Содержание

Мир Шерлока Холмса	5
Глава 1. Где же находится дом миссис Хадсон?	10
Глава 2. Подлинная история дома 221-б	19
Глава 3. Бейкер-стрит	25
Глава 4. Соседи	42
Глава 5. Дом 221-б	53
Глава 6. Гостиная	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Светозар Чернов

Бейкер-стрит и окрестности

Мир Шерлока Холмса

Сто двадцать лет назад, в ноябре 1887 года, в ежегодном приложении к журналу “Beeton’s Magazine”, носившем скромное название «Битонский рождественский ежегодник», был явлен свету новый литературный герой – частный сыщик-консультант Шерлок Холмс. Всего описанию его жизни были посвящены 4 повести и 56 рассказов, написанных Артуром Конан Дойлом. А также многочисленные подражания и стилизации (они же фанфики и пастиши), пародии и исследования, которые не перестают выходить до сих пор.

Сейчас почти все, о чем написано в этой книге, может узнать каждый, не вставая со стула и почти бесплатно. Нужна одна минута для того, чтобы выяснить, например, когда и на каком пароходе пересекал Атлантику Артур Конан Дойл, еще две секунды, чтобы обнаружить, что с ним плыл некий Баскервиль; еще 5–6 минут понадобится на то, чтобы узнать, где он жил, в каком году родилась в Лимерике его горничная и в каком приходе она похоронена. Но это не самое главное. Самое главное – это небывалая, немислимая раньше возможность сквозного поиска в архивах. Если бы не это, каким образом можно было найти описание лондонского полицейского участка – в шотландском медицинском журнале, а жалобу на железнодорожные ланчи – в швейцарском психиатрическом ежегоднике? Одной минуты довольно, чтобы узнать, что за весь 1887 год в «Таймс» действительно ни разу не упоминались «торфяные болота». Иначе, не имея таких возможностей, остается только что читать все и держать все в голове. 17 лет назад, когда мы стали изучать историю Потрошителя, всех этих возможностей не было. И вот, приходилось читать все и все держать в голове.

Эта книга – не шерлокианская энциклопедия, хотя вы найдете в ней массу бесполезных сведений: от ассортимента лавок в окрестностях дома 221-6 по Бейкер-стрит до цен на газ и извозчика, от описания маршрута погони за Джонатаном Смоллом до жалования полицейских констеблей. Возможно даже, что где-то обилие дат, фамилий и цен заставит вас перевернуть ту или иную страницу. Делайте это смело. Ведь если вы соберетесь писать, каждая такая дата и фамилия могут оказаться бесценными, и вы вернетесь к ним. Если же вы просто читатель, то дальше вы непременно найдете истории, которые вас заинтересуют. Сразу оговорюсь: многие стороны жизни останутся сокрыты от вас и потребуют собственных изысканий. Но я помогу вам выбрать дом на реальной Бейкер-стрит, чтобы поселить в нем Великого Детектива, расскажу о соседях и примечательных местах поблизости, покажу дом изнутри и дам необходимые замечания о его устройстве и содержании. Мы немного поговорим о еде, одежде и даже пошепчемся о семейной жизни доктора Уотсона, хотя такие темы и не принято обсуждать в респектабельном обществе. По пути к месту преступления мы проедемся с вами на тогдашнем общественном транспорте и ознакомимся со средствами связи, которые были в распоряжении Шерлока Холмса. На месте у нас будет возможность разузнать об устройстве лондонской полиции, а затем спуститься вниз по Темзе на полицейском катере. К концу книги вы будете знать о Холмсе и окружавшем его мире много такого, чего не знал и даже не предполагал сам Конан Дойл.

«Мое имя – Шерлок Холмс. Мое занятие – знать то, чего не знают другие...» – говорит о себе Шерлок Холмс в рассказе «Голубой карбункул». Но ведь детективу – все равно, частому или казенному, – совершенно не нужно знать то, чего не знают другие. Прежде всего, он должен знать все, что знают другие, а это не так уж мало. Он и вправду может не знать, что Луна вращается вокруг Земли, но должен совершенно точно знать фазы Луны и все, что связано

с приливами и отливами по всему побережью Британии и на другом берегу Канала. Он должен знать лучше любого фонарщика, когда зажигаются фонари на тех или иных улицах. Он должен знать, в каких местах сушат белье прачки, обслуживающие дома на Парк-Лейн и по каким дням месяца меняют простыни в богадельне для моряков в Чатеме. Он должен знать в лицо всех старших стюардов на трансатлантических пароходах и всех буфетчиков на судах, пересекающих Канал; всех управляющих ночлежными домами к востоку от Сити и на южном берегу Темзы. Узнав только из газеты о месте преступления, он уже должен знать лучше любого клерка из управления общественных работ, где поблизости сидел ночной сторож, охранявший ночью раскопанную свинцовую трубу; мало того, он должен знать, в каком трактире можно найти жену этого сторожа и какую монету нужно дать жене сторожа, чтобы он разговорился. Если возникает вопрос, пыталась ли жертва грабителя в поезде, оглашая воплями окрестности, дернуть за сигнальную веревку, детектив уже наперед должен знать, из какого каната – манильского или русского делаются на данной дороге сигнальные фалы, какая погода – сухая или дождливая – была по маршруту. Хорошо, если детектив знает, на каких линиях подземки больше всего стрелок, но гораздо важнее знать, что такая-то смена фонарщиков так обильно орошает крыши вагонов маслом, что все соображения о стрелках могут сразу же обесцениться. Такого рода деталей, но не мелочей, – неисчерпаемое море, только черпай. Русские переводы рассказов о Холмсе и вправду выхолощены, и многие прелестные слова в них заменены нейтральными «соусами», «коврами» и «юристами»; но сколько же деталей, не упоминаемых и в оригинальном тексте, окружало самого мистера Холмса!

Узнать, какие существовали правила и узаконения, писанные или даже неписанные, относительно любой области викторианского быта, нетрудно, но эти правила были очень далеки от реальности, даже в таких областях, как форменная одежда, не говоря уже о делопроизводстве в Скотланд-Ярде. А вся область законов, регулирующих работу лондонских коммунальных служб и надзор, представляет собой огромное административное облако, проплывающее где-то уж совсем далеко над действительностью. Английское уголовное право времен Холмса настолько громоздко и непостижимо, что изучить его мимоходом, наряду с велосипедной промышленностью и обувной модой, невозможно, а имущественное право еще круче, и намного. Но, просматривая дела и судебные отчеты, можно понять мышление адвоката, коронера и инспектора. Одно время мы пытались рассмотреть всю жизнь Холмса, каждый его шаг через юридическую призму, раскладывая всякое его действие на иски, поводы для исков, полюбовные соглашения и т. п. Например, револьверная пуля, испортившая обои, – безупречный повод для процесса Холмс против Хадсон, а вовсе не наоборот, как можно подумать. Но та же пуля, застрявшая в стене, становится собственностью наследников земельного владения Портмана, и приватное извлечение ее из стены может дорого стоить миссис Хадсон, и т. д. Современные исследователи находят в рассказах о Холмсе большое количество несообразностей и ошибок, но кажется, что сам Конан Дойл лучше этих исследователей ощущал, не зная законодательства, реальную практику своего времени. Но крайней мере, Холмс ни разу не совершил ничего противозаконного, включая вскрытие сундука с сокровищами в частном доме, во всяком случае ничего такого, что грозило бы ему неприятностями. Чтобы ясно понять, как действительно обстояло дело, нужно узнать множество деталей, и детали рассеяны в песке исторических развалин. А сохранившиеся в целостности пирамиды парламентских актов и санитарных правил ничего не дадут.

И вот по мере того, как мы просеивали тысячи страниц и выбирали нужные крупинки, вроде бы известная картина стала меняться. Зная тысячу деталей, тысячу первую мы могли уже угадать и только потом получить подтверждение. У нас выработались собственные методы и правила. Например, верить можно только рекламе. Если в 1886 году рекламируется маркер с волоконным стержнем и полупрозрачными чернилами, то значит, он точно был и продавался – никто же не будет рекламировать того, что не продается. Но берегитесь рисунков, в них таится

множество западней. Они переходят из книги в книгу десятилетиями, так что в книге 1890 года вы увидите дам, играющих в теннис в кринолинах. Хорошо, если газетный художник не получил академического образования, – если иначе, то на любой зарисовке из Олд-Бейли вы сразу узнаете гипсовых Гер, Зевсов, Бенер и итальянского мальчика-натурщика, который стоит в форме констебля с несуразным шлемом на непокорных кудрях. По этой же причине, если на картинке одна крохотная лошадь галопом несется за другой, еще меньше ее ростом, то это вовсе не значит, что собаки и крысы в те времена походили на лошадей. Художник в газете, набивший руку раз и навсегда, и в 1910 году рисует констебля с трещоткой, что для нас гораздо хуже галопирующей крысы.

Мы использовали и другие методы, например, изготавливали светильный газ и сальную свечу, чистили кирпичом медную посуду и многое другое. Это немного смешно, но, с другой стороны, стоит один час поиграть деревянной ракеткой в полтора фунта весом, чтобы понять, какая железная кисть была, например, у Мод Ватсон, блиставшей на кортах Англии и континента во времена Холмса. Вот и верь после этого, что теннис в те времена был «неатлетическим». Конечно, можно найти прочесть семь или восемь фундаментальных книг о теннисе, изданных во времена Холмса, но нужно еще найти в австралийском скаутском журнале воспоминания девяностолетней бабушки о том, как они в юности обшивали заново польсевшие мячики и какой шов, какая нитка при этом использовались. Правила для констеблей на дежурстве подробно расписаны и известны, но вот в пометке на коронерском рапорте суперинтендант пишет, что сомнения врача относительно времени смерти, скорее всего, объясняются тем, что констебль, как всегда, «передал» обнаруженный труп заступающему на дежурство коллеге, чтобы не задерживаться. Эта пометка стоит десяти томов уголовных актов и прецедентов. А вот шляпа из рассказа «Голубой карбункул». На ней сальные пятна от свечи, потому что владелец поднимается по лестнице, держа шляпу в одной руке, а подсвечник в другой. Звучит невразумительно, до тех нор, пока не будут восстановлены все детали этого акта. Вот человек в полной темноте входит в дом. В ста случаях из ста свеча в подсвечнике стоит на полу у входа, и, наклоняясь к ней наугад, человек снимает шляпу, чтобы она не свалилась и не закатилась в темноте под лестницу. Затем он зажигает свечу и начинает восхождение. Но все дело в том, что свеча – не фонарик. Если держать ее перед собой, то она будет слепить глаза, а кроме того, в ста же случаях из ста подсвечник представлял собой довольно широкую латунную площадку, с ручкой или без, и вот эта площадка отбрасывала тень вниз, как раз на то место, которое нужно было освещать. Выход один – нужно поднять свечу как можно выше над головой, откуда сало и будет капать на шляпу, даже если она и осталась на голове.

Общее ощущение быта и эпохи в пределе – не общее, а предельно конкретное. Оно точнее любого набора фактов – ведь исторических фактов не существует.

Таким образом, после примерно десяти лет работы, у нас получился маленький театр, своего рода коробочка на столе, в котором появлялись герои живые, но абсолютно достоверные. Вот, например, констебль. Он станет живым не тогда, когда будут изучены его шлем, пелерина, обязанности и жалованье, а только тогда, когда ясно будет понято, что для констебля хорошо, а что плохо. Например, такие вещи, как королева, долг и преступники, его совершенно не интересуют – не по каким-то циничным соображениям, а просто все это не имеет к нему никакого отношения. Что действительно его интересует – это его борола и усы. Они бережно подстригаются, иногда красятся и всегда окружены любовью владельца, как нимбом. Он бы с радостью перенес часть своего внимания на форменную одежду, но увы – она безнадежна, и никакие вставки, ушивания, заклпки и подкладки ее не спасут. Его шинель всегда мокра, даже в сухие недели она никогда не просыхает в обшлагах. Около пояса она неизбежно уделана маслом и сажей от фонаря. Вот он топает, герой, по ночной улице в районе доков. В одном кармане у него кусок горохового пудинга в газете, в другом кастет и обязательный складной

нож. Этим ножом он вечером, когда свободен от дежурства, чистит морковь для своих кроликов, сидя на ступеньках в своем дворике.

А вот другой пример – кэбмен. Мы совершенно точно знаем, какое облако ароматов окружает его – запах мокрого столярного клея от экипажа, мокрой одежды и дивной смеси джина и пива. Его перчатки и руки иод ними навсегда пропахли креветками. А вот запаха лошади мы не ощущаем, потому что и современники его просто не замечали. В кармане у него хранится большая записная книжка в клеенчатом переплете, полностью посвященная сложным взаимно-кредитным расчетам, в основном в овсе и сене и частично в шиллингах. Вот он наклонился к собственному фонарю и, сопя, вносит туда очередные каракули.

Для того, чтобы точно и достоверно знать одну деталь, нужно знать еще тысячу, а это иногда невероятно трудно. Сотни врачей и полицейских оставили свои воспоминания, зеленщиков и молочников мы видим глазами их клиентов, но сколько воспоминаний оставили, например, газовые слесаря? Кассиры в банке? Кто нам достоверно скажет – «такой-то газовый счетчик я терпеть не мог настраивать – там вечно было то-то и то-то?» Кто скажет нам, во что укручивали стопки монет при передаче кассы – в газету? В коленкор? Однако и это можно выяснить, и выяснялось. Но некоторые вещи, даже будучи изученными, все равно остаются неопределенными по самой своей природе. Так, в этой книге почти нет ответов на самый интересный вопрос – что сколько стоило. Тут дело не только в том, что одна и та же шляпа могла стоить семь шиллингов в магазине, шиллинг в ломбарде и стакан пива, будучи сорванной с головы владельца, но и в широчайшей системе кредита, бытовой вексельной практике и прочих сложных обстоятельствах. Финансовые окрестности Бейкер-стрит – тема отдельной книги. В любом случае, вопрос «Сколько стоил саквояж?» так же лишен смысла, как и вопрос, который нам часто задавали: «Сколько лет во времена Холмса давали за убийство?»

Смешно и нелепо упрекать Конан Дойла за его ошибки и неточности. Холмс будет жить вечно и никогда не потеряет своей загадочной привлекательности. Из-за своих невысоких чисто литературных достоинств эта книга будет жить даже тогда, когда и английский язык прекратится. Может быть, среди прочего и потому, что почти всякому читателю сразу же хочется узнать то, чего нет в книге – как мистер Холмс одевался к завтраку, куда миссис Хадсон волокла грязную посуду, как выглядела станция метро Бейкер-стрит и где же находился этот самый Скотланд-Ярд и как он выглядел. Мы постарались собрать в этой книге ответы именно на те вопросы, которые чаще всего возникают, и не растекаться мыслью по древу. Ведь не только тема, например, железной дороги неисчерпаема, не только об обивке разнообразных купе можно написать отдельную книгу, но даже одна лишь дверь вагона – с классическим засаленным ремнем, который должен поднимать неподнимаемую скрипучую раму, продуваемую всеми ветрами и с прорехой в обивке, под которую поколения пассажиров засовывали прочитанные газеты, достойна целой главы.

Мы также вовсе не касаемся загадочного мифа об особых этических нормах викторианского общества, уж бог его знает, откуда он взялся, и на каких реальных крупицахросло это нагромождение нудных и упертых запретов и повелений. Современники Холмса прекрасно ходили при дамах в рубашках, купались в костюме Адама, наливали как чай в молоко, так и молоко в чай, а многие и вовсе заваривали чай совершенно нормальным образом, без кипячения и вовсе без молока. Кроме того, они вовсе не сходили с ума при виде голых женских ног и не заворачивали ножки роялей тряпочками из скромности. Английское поведение и английское безумие были построены совсем на других принципах.

Эта книга – своего рода Шерлок Холмс, расширенный для опытного пользователя. Но необходимости, в ней нет того театра, о котором я писал выше, а только сведения. Что делать, читатель не обязан читать то, что может показаться ему фантазиями. Но мы надеемся, что

книга все равно передаст читателю часть ощущения жизни на Бейкер-стрит, типичной английской жизни – скучной, немного неуклюжей и притягательной.

Один из авторов этой книги, Степан Анатольевич Поберовский, скончался 4 апреля 2010 года. По взаимному соглашению было решено ничего о том из нас, кто умрет или рехнется, в предисловии не писать, но для тех, кто знал Степана, я это соглашение нарушу. Известно, что нельзя создать ничего стоящего, да вообще ничего нельзя создать, не расплачиваясь собой физически. Степан обладал громадным талантом, и этот труд – далеко не самое важное, что Степан сделал и мог сделать, но он был самым прозорливым нашим детищем. Пусть эта книга будет ему памятью.

Автор приносит благодарность Е.Ф. Соковениной и И.Ю. Котину, без помощи которых эта книга не была бы написана.

*Светозар Чернов,
2011*

Итак, приступим. Game is afoot, Watson! Дичь поднята уже!

Глава 1. Где же находится дом миссис Хадсон?

Первое, что нам предстоит – определиться с главным местом действия, где начинались и заканчивались большинство приключений Шерлока Холмса и доктора Уотсона. Ведь точное местонахождение дома 221-6 неизвестно, и титанические усилия многих поколений холмсианцев и шерлокианцев установить его так и не дали плодов. Вернее, на эту роль без особых на то оснований претендуют слишком много домов. Дело в том, что во времена Холмса Бейкер-стрит была не столь длинной, как ныне. Она тянулась с юга на север от Портман-сквер до перекрестка с Паддингтон-стрит на востоке и Кроуфорд-стрит на западе. Дальше за перекрестком шла уже улица под названием Йорк-плейс. За пересечением с широкой и шумной Мери-лебоун-роуд улица опять меняла свое название и становилась Аппер-Бейкер-стрит – Верхней Бейкер-стрит. Собственно Бейкер-стрит имела всего 84 дома: номера шли сперва по восточной стороне улицы до № 42, а потом, начиная с № 44, в обратную сторону по западной. По каким-то причинам дом № 43 на Бейкер-стрит отсутствовал. В 1921 году Йорк-плейс стала частью Бейкер-стрит, а Аппер-Бейкер-стрит присоединилась к ней в 1930 году, при этом дома были перенумерованы на всем протяжении объединенной Бейкер-стрит, и адресная система приобрела привычное для нас разделение на четную и нечетную стороны улицы. Появился и дом 221, попавший на территорию бывшей Аппер-Бейкер-стрит.



А. Конан Дойл

О том, имел ли сам Дойл в виду какой-то конкретный дом, когда в 1886 году помещал своего героя на Бейкер-стрит, практически ничего не известно. Единственное прямое указа-

ние имеется в воспоминаниях сэра Гарольда Морриса (1876–1967) «Взгляд назад» (1960). Сэр Гарольд утверждал, что однажды Конан Дойл обратился к его отцу, известному врачу-дерматологу доктору Малколму Моррису (1849–1927), с которым обсуждал многие детали задуманной им серии детективных рассказов о Шерлоке Холмсе, с вопросом о наиболее подходящем лондонском районе для проживания героев, и тот сказал: «Почему бы не поместить его и Уотсона на Бейкер-стрит, в дом 21, где мой дед Джон Моррис жил после отставки из Бомбейской гражданской службы?» По утверждению сэра Гарольда, Конан Дойлу понравилась идея насчет Бейкер-стрит, и он отправился взглянуть на № 21. Он даже попросил у хозяев посмотреть некоторые комнаты, под тем предлогом, что дед его жил там за пятьдесят лет до того, но в те времена дом был полностью жилым, и его приняли без особого энтузиазма. Дойлу удалось увидеть только холл, гостиную и комнаты позади нее на первом этаже. Писатель был разочарован, потому что ему хотелось увидеть гостиную на втором этаже, которую он намеревался сделать гостиной Холмса и Уотсона. К счастью, доктор Моррис имел подробные сведения о продаже дома 21 по Бейкер-стрит с аукциона 24 ноября 1840 года по распоряжению душеприказчиков покойного Джона Морриса, эсквайра. Изучение этих подробностей да еще два-три визита для внешнего осмотра здания позволили Конан Дойлу распределить комнаты между персонажами. Полагая, что жильцы могут возражать, если он даст дому настоящий адрес и поселит там своего детектива, Дойл добавил цифру 2 перед номером дома и сделал гостиную о двух окнах, а не о трех, как это было в действительности.

Насколько рассказанное Моррисом правда – неясно. В «Таймс» от 14 ноября 1840 года имеется анонс продажи с аукциона мистером Элгудом превосходного жилого дома № 21 по Бейкер-стрит, с двойным каретным сараем и конюшней на 4 стойла, ценной библиотекой и небольшим винным погребом, а также имущества покойного Джона Морриса. Уже к 1881 году этот дом не был исключительно жилым, вопреки указанию Гарольда Морриса об обстоятельствах посещения этого дома Конан Дойлом. Здесь располагалось фотоателье Роберта Фолкнера и Ко., находившееся тут по крайней мере до Первой мировой войны, помещения обойщика и земельного агента Джорджа Маддокса, а в верхних этажах проживал актер Франк Б. А. Арнольд с женой и прислугой. В 1899 году там, кроме Фолкнера, числились: торговец товарами для здоровья “Vigor & Co.”, купец Корнелиус Харнесс, “Columbia Bicycling Manufacturers” и «Христианский институт женщин Германии и Скандинавии».

Более того, упоминавшийся в «Таймс» покойный Джон Моррис из № 21 не служил в Бомбейском президентстве, а был одним из директоров Ост-Индской компании в конце XVIII века. В Мадрасском (а не Бомбейском) президентстве служил его сын, Джон Карнак Моррис, который произвел на свет своего пятнадцатого ребенка, Малколма Морриса, отца сэра Гарольда, в 1849 году. Плохо обстояло у автора мемуаров и с домом напротив фотографического ателье Томаса Фолла, который он с таким воодушевлением считал прототипом дома 221-б. Это был дом 21 по новой нумерации, при жизни же его отца и Конан Дойла он носил номер 77, а не 21, и служил жильем для 10 портних.

Мне не удалось найти сведений о начале знакомства Конан Дойла с Малколмом Моррисом, но к описываемым сэром Гарольдом событиям его отец проживал на Харли-стрит в доме 8, был известным дерматологом, одним из ведущих специалистов в Королевской больнице по кожным болезням, а Конан Дойл был мало кому известным провинциальным врачом, так что если их знакомство не относилось ко временам учебы в Эдинбургском университете, кажется вероятным, что оно должно было произойти позднее, когда социальный статус достаточно Дойла повысился, чтобы он мог вращаться в тех же кругах, что и Моррис.

Правда, вскоре после того, как Конан Дойл опубликовал свою первую повесть про Шерлока Холмса, произошло событие, некоторым, довольно неприятным, образом связавшее Малколма Морриса с Бейкер-стрит. В октябре 1887 года, как раз когда альманах с «Этюдом в багровых тонах» должен был уйти в набор, доктор Моррис по просьбе своего друга Арчибальда

Форбса посетил одного страдавшего кожным заболеванием пациента, с которым Форбс состоял в одном клубе. За год до того жена пациента умерла и за ним некому было ухаживать, да и сама обстановка в доме была неподходящая для больного (хозяева держали в нем публичный дом), поэтому Моррис позаботился о перевозе больного в частную клинику на Йорк-плейс, 28. Через три месяца пациент умер, и доктор совсем было забыл об этом визите, когда в феврале 1889 года ему пришло письмо от поверенного хозяев дома, где проживал когда-то пациент, некоего Леграна и его любовницы Амели Деме, с угрозами возбудить против доктора дело за клевету (согласно этому письму, убеждая пациента переехать в больницу, доктор неodobри-тельно отозвался о доме и хозяйке, в связи с чем часть жильцов съехала, нанеся хозяйке ущерб в 2000 фунтов) и за нарушение Моррисом обещания жениться, якобы сделанного им хозяйке дома. Моррис подал на шантажистов в суд и выиграл это дело. Легран был приговорен к 5 годам каторжных работ, а его любовница – к 18-месячному заключению. Когда они начали шантажировать доктора Морриса, они проживали уже на Йорк-плейс, 2, то есть практически на Бейкер-стрит. К Леграну мы еще вернемся в других главах.

Возвращаясь к рассказу сэра Гарольда о том, что именно дом 21 был выбран писателем в качестве прототипа знаменитого дома 221-б, приходится признать, что его правдивость остается под сомнением. Во всяком случае, согласно одной из записных книжек Конан Дойла за 1887 год, содержавшей черновые наброски к «Знаку четырех», первоначальным адресом детектива должен был стать дом 221-б не по Бейкер-стрит, а по Аппер-Бейкер-стрит. Но не стал. Как не стал детективом Шерринфорд Холмс, а его другом и биографом – Ормонд Сакер из той же записной книжки.

Существует предание, восходящее, судя по всему, к одному из первых холмсоведов, Винсенту Старрету, что к выбору какого-нибудь реального дома на Бейкер-стрит в качестве дома для Холмса писателя побудил его близкий друг доктор Грей Чандлер Бриггс, известный хирург из американского города Сент-Луис. Во всяком случае, мы имеем свидетельства Алексея Толстого и Корнея Чуковского, что к февралю 1916 года Конан Дойл уже точно определился с местонахождением дома 221-б.



Корней Чуковский. Рисунок Исаака Бродского. 1916

Оба русских писателя входили в состав делегации, посетившей союзников во время Первой мировой войны. В «Чукоккале» Чуковский описывает, как Конан Дойл пришел к ним в гостиницу и предложил провести экскурсию по Лондону. «На Бейкер-стрит, куда мы пришли вместе с ним, – пишет Чуковский, – в том доме, где, по его словам, жил Шерлок Холмс, оказалось фотоателье некоего Фрея». Алексей Толстой пересказывает слова Дойла, в которых тот даже упоминает номер дома: «Однажды я пошел на Бейкер-стрит посмотреть, кто живет в тридцать седьмом номере (квартира Шерлока Холмса и доктора Ватсона). Оказалось, там – фотография». В данном случае мы имеем явную ошибку: в № 37 ни в 1916 году, ни раньше фотографов не было. С 1863 года фотографическое ателье “Elliott & Fry Ltd.”, основанное Джозефом Эллиотом (1835–1903) и Кларенсом Фраем, находилось по адресу Бейкер-стрит, 55 и 56 (это второй дом южнее угла с Дорсет-стрит по западной стороне). Однако Чуковский не утверждал, что Конан Дойл с самого начала поселил своего героя в этом доме. Один из известных фотографических портретов Конана Дойла был сделан им в 1900 году в фотоателье «Эллиота и Фрая» на Бейкер-стрит, и именно тогда писатель мог заприметить этот дом в качестве претендента на роль «настоящего дома» 221-б. Окончательно же он определился, скорее всего, в 1902 или 1903 году, когда был вынужден воскресить великого детектива, ведь именно в рассказе «Пустой дом» впервые появилось достаточно точное указание на местоположение жилища героя.

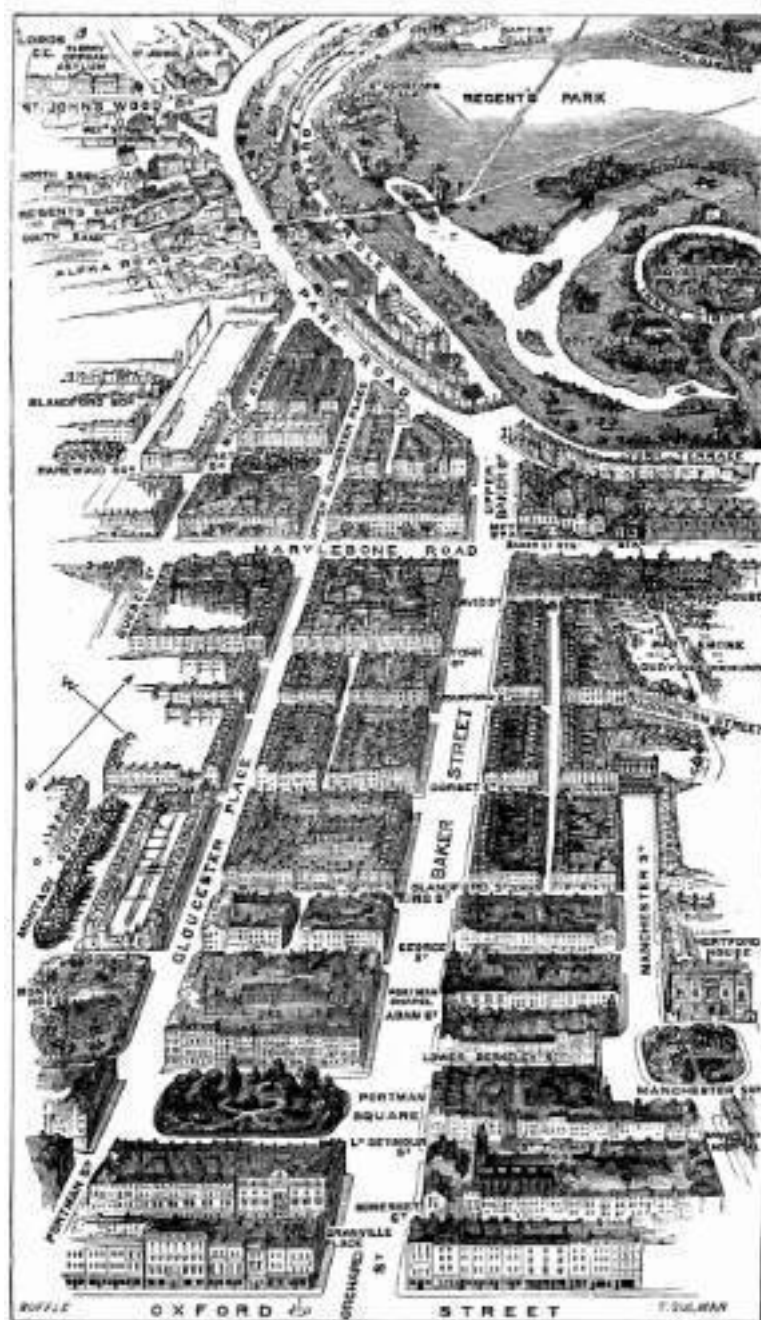
Попробуем все же, не оглядываясь на поздний выбор Конан Дойла, согласовать имеющиеся в тексте его рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе сведения о доме миссис Хадсон и найти реальный дом, который бы наиболее им удовлетворял. Ряд косвенных данных говорит о том, что он был в южной части современной Бейкер-стрит. Так, в «Знаке четырех» Уот-

сон посещал почтовую контору на Уигмор-стрит, 104, в двух кварталах от Портман-сквер (на Аппер-Бейкер-стрит была своя почтовая контора), а поставщиком сигарет для доктора и крепкого табака Холмсу был некий Бредли, державший табачную лавку на Оксфорд-стрит. Но главный ключ, оставленный нам Артуром Конан Дойлом, содержится в описании маршрута Шерлока Холмса и доктора Уотсона из рассказа «Пустой дом»:

«Я предполагал, что мы едем на Бейкер-стрит, но Холмс остановил кэб на углу Кавендиш-сквера... Мы шли какой-то странной дорогой. Знания Холмсом лондонских закоулков были исключительные, и сейчас он уверенно шагал через лабиринт внутренних дворов и проходов, о существовании которых я даже не подозревал. Наконец мы вышли на узкую улицу с двумя рядами старых, мрачных домов, которая вывела нас на Манчестер-стрит, а затем на Бландфорд-стрит. Здесь он поспешно свернул в узкий проход, прошел через деревянные ворота в пустынный двор и открыл ключом заднюю дверь одного из домов...

– Знаете ли вы, где мы? – шепотом спросил Холмс.

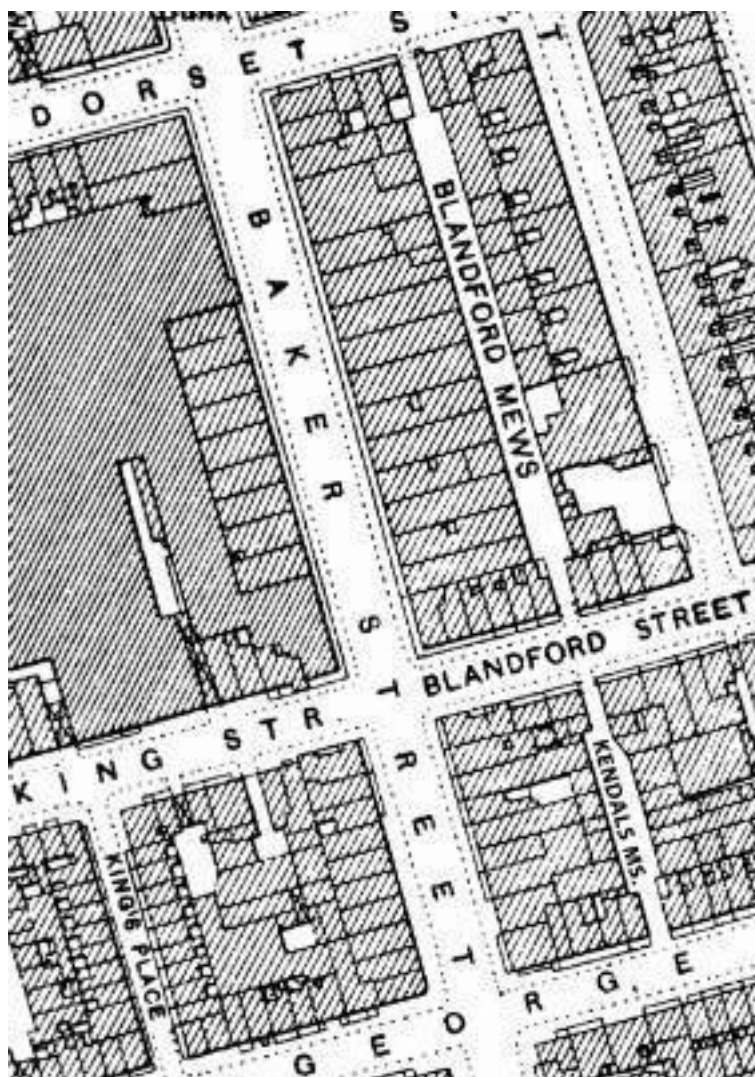
– Кажется, на Бейкер-стрит, – ответил я, глядя через мутное стекло.



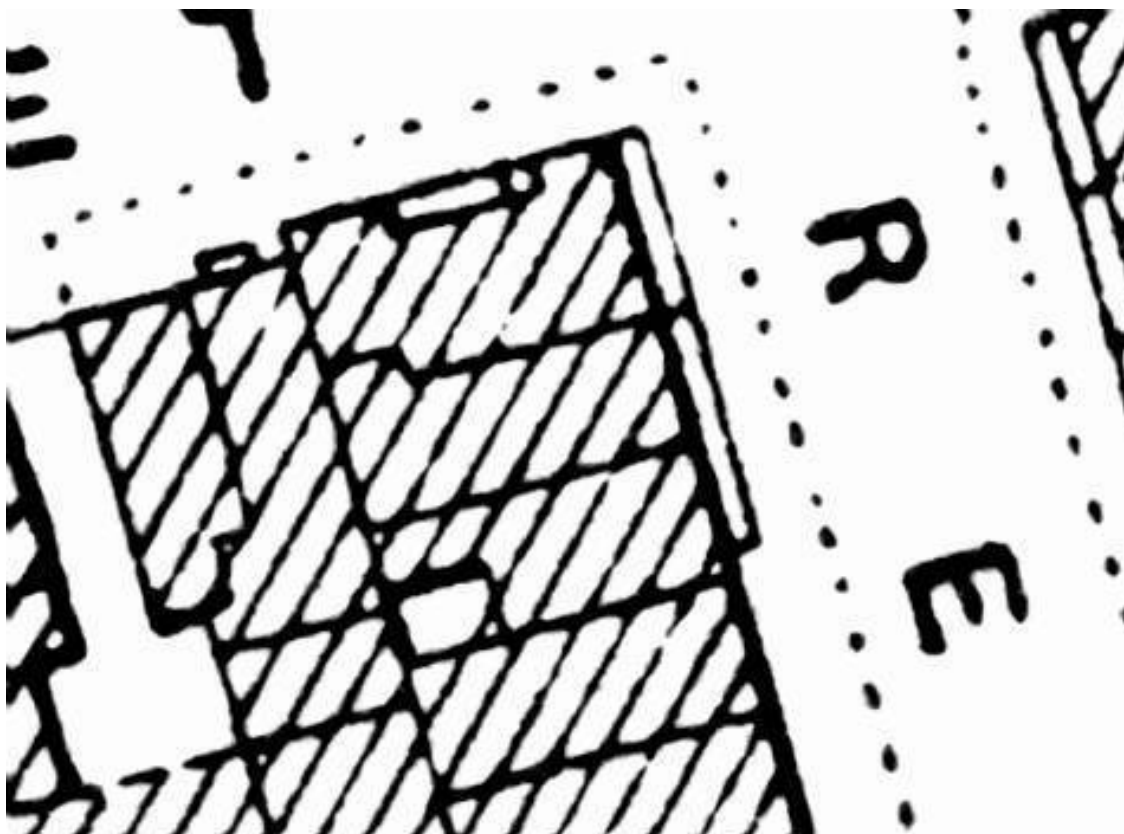
Бейкер-стрит и окрестности. 1891

– Совершенно верно, мы находимся в Камден-Хауз, как раз напротив нашего собственного старого жилища.»

Название Бландфорд-стрит носила восточная часть улицы, пересекавшей Бейкер-стрит примерно посередине, между номерами 15 и 16 (западная ее часть называлась Кинг-стрит). С Бландфорд-стрит можно было свернуть в один из двух узких и параллельных улице Бейкер-стрит проходов: Кендалл-мьюз на юге (между кафе Амлоса Суонелла и домом строителя Дейвида Бейкера) и Бландфорд-мьюз на севере (между домами портнихи мадам Мари и торговли зерном миссис Матильды Беннетт). Эти проходы можно увидеть на приведенном плане – термин *mews* использовался в то время для обозначения проулка или небольшой площади, окруженной домами, которые первоначально служили конюшнями.



Бейкер-стрит в районе пересечения с Бландфорд-стрит. Фрагмент карты Лондона. 1894



Дом 72 по Бейкер-стрит. Фрагмент карты Лондона. 1894

Все пытающиеся уяснить местонахождение дома Холмса на основании приведенного отрывка делятся на две партии: тех, кто полагает, что Холмс направился на север в Бландфорд-мьюз, и тех, кто думает, будто он повел Уотсона на юг в Кендалл-мьюз. С некоторой степенью уверенности можно утверждать, что Камден-хауз находился либо южнее номера 15, либо севернее номера 16. А поскольку, очевидно, вход в Камден-Хауз был непосредственно из прохода и никакие другие улицы больше не пересекались, Камден-Хауз не мог располагаться дальше, чем Джордж-стрит, и иметь номер меньше 8, если поворачивать на юг, либо находиться дальше Дорсет-стрит и иметь номер больше 32. Вероятнее всего, Камден-Хауз был одним из ближайших к Бландфорд-стрит домов, в какую сторону с нее ни сворачивай (хотя выбранный самим Дойлом дом требовал от Холмса с Уотсоном пройти по проулку практически до самого конца). Соответственно, дом, выведенный под номером 221-6, находился примерно напротив него на западной стороне Бейкер-стрит, и располагался либо около № 62, либо около № 72.

В рассказе «Загадка Торского моста» можно найти очень важную деталь для определения местоположения № 221-6. Уотсон упоминает одинокий платан, который украшал двор позади дома. Внимательно рассмотрим карту еще раз.

Севернее Кинг-стрит мы видим огромный участок, занимающий большую часть площади квартала. Это Бейкер-стритский базар, о котором речь пойдет немного дальше. На саму Бейкер-стрит здесь выходит всего девять домов, ни один из которых не имеет заднего двора. Южнее Кинг-стрит только один дом имеет такой двор – это дом № 72 (долгое время после перенумерации этот земельный участок имел № 31, сейчас весь квартал застроен громадным офисным зданием). Параллельно Бейкер-стрит на юг от Кинг-стрит шел короткий тупиковый проулок под названием Кинг-стрит-мьюз, но дома, выходившие фасадом на Бейкер-стрит, судя по карте, прямого сообщения с ним не имели. Дом 72 считали домом Холмса такие мэтры-холмсианцы, как Бернард Дейвис, Дейвид Хаммер и Уильям Баринг-Гулд. Соответственно, Камден-Хаузом в таком случае был дом примерно напротив.

В доме 13, участок которого стоял лицом к лицу с участком 72, находилась, по крайней мере, со времен поселения Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, аптека, принадлежавшая Джону Тейлору. Видимо, здесь Холмс всегда покупал кокаин и морфин в периоды угнетающей скуки, канифоль для скрипки, а также препараты для своих загадочных химических опытов. Дом 14, ближе к углу с Бландфорд-стрит, занимали каретники братья Мосс. А непосредственно на углу находился дом 15, при этом был № 15-а и просто № 15. Индексом 15-а обозначались деловые помещения, занятые в то время художником по цветному стеклу Стивенем Мэттьюзом, портнихой выходного платья мадам Кларой Валша и модисткой миссис Эммой Оделл. В № 15 числились портниха мадам Маргарет Грета и дамские портные Янтиан & Моллисон. К 1903 году (предполагаемому времени визита Дойла на Бейкер-стрит во время написания «Пустого дома») аптека оставалась на своем месте и просуществовала после еще, по крайней мере, лет десять. Так что более вероятно, что под именем «Камден-Хауз» был выведен дом 14 или даже 15 (кстати, в 1895 году на аукционе производилась распродажа мебели из этого последнего дома).

Глава 2. Подлинная история дома 221-б

Но вернемся к дому 72, который у Конан Дойла, как мы с этого момента будем считать, носит номер 221-б. Буква «б» (сокращение от «бис»), по утверждению автора классических холмсианских книг Майкла Харрисона («По стопам Шерлока Холмса» и «Лондон Шерлока Холмса»), указывала на то, что квартира Холмса и Уотсона располагалась над магазином или конторскими помещениями, имевшими отдельный вход. Вполне возможно: ведь ни Уотсон, ни Холмс никогда не бывают на первом этаже своего дома. Однако адресов с индексом «б» на реальной Бейкер-стрит не было, наличие же индекса «а» в некоторых случаях означало вообще отдельный дом, как это было с № № 8 и 8-а, которые стояли на разных углах перекрестка с Джордж-стрит.

В «Таймс» и в почтовых справочниках Келли мне удалось найти некоторые сведения о доме № 72. В 1821 году некая английская леди, проживавшая в Париже, где получала образование ее дочь, пожелала принять на себя заботу об образовании еще трех-четырёх юных леди, с которыми обещала обходиться, как со своими собственными дочерьми. Обращаться следовало в новые читальные залы мистера Батта по интересующему нас адресу.



Гувернантка с девочкой на улице. Рисунок из журнала "Punch". 1900

В 1827 году здесь проживал некий мистер Френсис, оценщик, земельный агент и бесплатный регистратор, сдававший под коммерческие заведения несколько помещений в Сити и других районах Лондона.

В переписных ведомостях 1861 года здесь зарегистрированы ювелир Эдуард Чапмен, его свояченица-портниха и ее пять коллег-портних, шивших женские платья, а также служанка. Именно Чапмен, судя по всему, устроил в прежде исключительно жилым доме лавку на первом этаже.

В 1878 году некий джентльмен, скрывшийся под инициалами У.Ф., и его жена, вышедшие в отставку педагоги, предлагали принять для образования одного-двух «индийских» (т. е. родители которых состояли прежде на колониальной службе в Индии) или других детей.

В 1881 году, т. е. как раз когда Холмс и Уотсон сняли квартиру у миссис Хадсон, по этому адресу проживал 38-летний холостяк солиситор (стряпчий) Томас Роул.

С 1868 года владельцем дома 72 был Бенинг Арнольд. Родился он в 1824 году в Шордиче на востоке Лондона в семье бумагодела Эдуарда Арнольда, претендовавшего на первое применение машин в бумагоделательном производстве в Англии в 1813 году. Вскоре после окончания школы в Лондоне юный Бенинг был отдан в ученичество по книгопечатной части в типографию Джеймса Хаддона с Касл-стрит в Финсбери, который якобы первым в 1822 г. начал печатать ноты.

Administration County of LONDON										The undermentioned Houses are situate within the Boundaries of the										Page 3	
Civil Parish		Municipal Borough		Municipal Ward		Urban Sanitary District		Terra or Village or Hamlet		Rural Sanitary District		Parliamentary Borough or District		Ecclesiastical Parish or District							
of <i>May St. George</i>		of <i>Portman</i>		of <i>Portman</i>		of <i>London</i>		of <i>London</i>		of <i>London</i>		of <i>St. George</i>		of <i>St. George</i>							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18				
Date	No. of ROAD, STREET, &c. and No. or NAME of HOUSE	HOUSES in the Street	Rateable Value	NAME and Surname of each Person	RELATION to Head of Family	SEX	AGE last Birthday	Profession or Occupation	Where BORN	(1) Deaf-Blind (2) Blind (3) Lame, Paralytic or idiot											
14	71 Baker St	1	2	Arthur Maby	Head	M	41	Bank Keeper Royal Bank	London St. Paul												
				Anne do	Wife	F	38	Housekeeper	London St. Paul												
				Flora do	Daughter	F	6		London St. Paul												
15	72 Baker St	1		Bening Arnold	Head	M	66	Jeweller & Silversmith	London St. Paul												
				Emily do	Wife	F	38		London St. Paul												
				Bening M do	Son	M	6	School	London St. Paul												
				Maudie do	do	F	2		London St. Paul												
				Janet do	do	F	3	Housemaid	London St. Paul												
				Elizabeth do	do	F	24	do	London St. Paul												
				Robert F do	Head	M	49	Hair Dresser	London St. Paul												
16	73 Baker St	1		Margaret do	Wife	F	25		London St. Paul												
				Elizabeth do	do	F	3		London St. Paul												
				Alfred Maby	Servant	M	24	Hair Dresser	London St. Paul												
				Edward A do	do	M	15	do	London St. Paul												

Фрагмент переписи 1881 года для дома 72 с Бенингом Арнольдом

Сам Арнольд хранил у себя как большую драгоценность нотный альбом «Псаломщик», изданный Винсентом Новелло и отпечатанный Хаддоном. Будущий владелец дома на Бейкер-стрит полностью готовил набор для этого издания, содержавшего около 400 псалмов и гимнов. В 1854 году Бенинг Арнольд женился на Офелии Томас, оставил печатное дело и переехал в Бейкер-стрит, 72, принадлежавший в то время У. Ч. Родсу. Кроме жены, у него была служанка, и это при том, что в доме уже проживал ювелир Чапмен с еще 7 людьми! Сперва Арнольд продавал и чинил карманные часы-хронометры, для чего нанимал мальчишку и еще одного человека, а с начала 1860-х переквалифицировался в ювелира и торговца антикварным серебром. Скорее всего, он перенял дело Эдуарда Чапмена, который вскоре исчез из дома вместе со своими многочисленными портнихами-квартирантками. В 1868 году Родс умер, и на аукционе 9 июня Арнольд выкупил дом. По крайней мере, во время переписи 1871 года он проживал здесь только с женой и двумя служанками. В 1874 году жена его умерла, и до начала 1880-х он был одиноким вдовцом, пуская к себе на жительство квартирантов.

MR. BENING ARNOLD

A CENTENARIAN'S MEMORIES

Mr. Bening Arnold, believed to be the oldest man in England, died at the age of 106 at his residence, Camelot, Surrey-road, Bournemouth, on Sunday. He was a wonderful centenarian, having retained his faculties to a remarkable degree until a short time before his death.

A native of London, Mr. Arnold was born on May 25, 1824. He was a son of Mr. Edward Arnold, who carried on the business of a papermaker in London, and who is said to have been the first to introduce a machine for papermaking in England, in 1815. Soon after leaving school in London, Mr. Bening Arnold was apprenticed to the printing trade at the works of Mr. James Haddon, of Castle-street, Finsbury, who claimed to be the first to set music in type, in 1822. One of Mr. Arnold's treasured possessions was an album of music print entitled "The Psalmist," printed by J. Haddon, Finsbury, and published by Vincent Novello. It was set up in type entirely by Mr. Arnold, and contained a collection of about 400 psalms and hymns. After leaving the printing trade Mr. Arnold became a dealer in antique silver in Baker-street, London, for several years. Shortly before taking up his residence at Bournemouth 32 years ago he lost his second wife and one son in the wreck of the *Stella* off Guernsey in 1891. His other son, Major B. M. Arnold, D.S.O., who is a master at Bradfield College, was saved from the wreck after drifting about in an open boat for 15 hours.

At the age of 85 Mr. Arnold took up bowls, having previously been a swimmer and cricketer. He was a member of the Alum Chine Bowling Club, Bournemouth, and was a frequent player until he was over 100 years old. He celebrated his 100th, his 101st, and his 102nd birthdays by visits to the bowling green, and actually taking part in games. In September, 1928, he paid his last visit to the green, but he did not play. Mr. Arnold received congratulations from the King on his 100th birthday and was presented to the Prince of Wales at Bournemouth in October, 1927. When he was 105 years of age he recorded his last vote in a Parliamentary election.

Among his recollections was one of the first performance in 1846 of Mendelssohn's *Elijah* at the Birmingham Town Hall. He also recalled the Chartist riots. He had a wonderful memory, and was able to write as well as any man of 60 when he was 100 years of age. Quite recently he was often to be seen taking a walk by himself. He expressed a wish to be interred in the grave of his first wife at Kensal Green Cemetery, and the funeral will probably

Затем Бенинг Арнольд вновь женился, на этот раз на Эмили Муран из Гернси, и произвел на свет двух сыновей и дочь: Бенинга Мурана (1884), Клода (1888) и Мод (1889). Судя по рекламе, которую он давал в 1884 году, он скупал драгоценности и ювелирные украшения и торговал бриллиантами по демпинговым ценам: «обручальные кольца, серебряные тарелки, скупка старого серебра за наличные, на продажу склад бриллиантов от производителя на 40 % меньше себестоимости». Интересно, что похожее прикрытие – продажу бриллиантов по низким ценам в центре лондонской ювелирной торговли Хаттон-Гарденс – имел Адам Уорт, возможно, послуживший Конан Дойлу прототипом «Наполеона преступного мира» профессора Мориарти. Правда, более вероятно, что прототипом Мориарти, или по крайней мере источником фамилии, послужил некий Гильермо Мориарти, занимавшийся скупкой аптекарской посуды и бутылок и живший в Холборне, но нам следует придерживаться более романтической версии.

30 марта 1899 г. при кораблекрушении в Ла-Манше близ Гернси парома «Стелла» мистер Арнольд потерял жену и младшего сына Клода, а старший спасся только благодаря своим навыкам лучшего пловца Лондонской политехнической школы и тому, что мать успела засунуть ему под куртку футбольный мяч.

После трагедии Бенинг Арнольд оставил дом на Бейкер-стрит и перебрался в городок Борнемут в графстве Суррей, в дом на Суррей-роуд под названием «Камелот». Здесь в возрасте 85 лет он увлекся игрой в шары, и с увлечением предавался ей, пока ему не исполнилось 104 года. Со столетием его поздравил король, а в октябре 1927 г. он был представлен принцу Уэльскому. Умер мистер Арнольд, когда ему исполнилось 106 лет.

Имя Бенинга Арнольда периодически проскакивало в «Таймс» в разделе происшествий и судебной хроники. Вечером 6 января 1861 года Арнольд, к слову, бывший лучший ныряльщик и пловец Серпентайна в Гайд-парке, отличился при спасении суперинтенданта Уильямса и следившего за состоянием льда на Серпентайнском катке служащего, которые провалились под лед вместе с легкими санками при попытке вывезти на берег спасенного ими, в свою очередь, посетителя.

В сентябре 1894, в год воскресения Шерлока Холмса, Арнольд поместил в «Таймс» объявление: «НАЙДЕН, 18-го см. на Дорсет-стрит, Портман-сквер, ЗОЛОТОЙ КАРАНДАШ. Владелец может получить его по обращению к Б. Арнольду, ювелиру, Бейкер-стрит, 72, дав правильное его описание и оплатив стоимость рекламного объявления».



Ювелирный магазин. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Разве не похоже это объявление на то, которое дал Холмс в утренние газеты в «Этюде в багровых тонах»? «Сегодня утром на Брикстон-роуд, на проезжей части между трактиром «Белый олень» и Холланд-Грув найдено простое золотое кольцо. Обращаться к доктору Уотсону, Бейкер-стрит, 221-б, с восьми до девяти вечера».

А шестью годами раньше, тоже в сентябре, Арнольд через «Таймс», наоборот, разыскивал пропажу: «ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ДЕСЯТЬ ШИЛЛИНГОВ. – ПОТЕРЯНЫ между Бейкер-стрит и Уоррингтон-кресент маленькая ЖЕМЧУЖИНА, БРИЛЛИАНТ и РУБИНОВАЯ ПОДВЕСКА ОТ СЕРЬГИ. Обращаться к Б. Арнольду, ювелиру, Бейкер-стрит, 72».

В сентябре 1888 года, как раз когда Холмс с Уотсоном расследовали дела о «Сокровищах Агры» и «Знаке четырех», в лавку Арнольда в его отсутствие заглянул некий Чарльз Пол и попытался украсть лоток с 18 золотыми часами общей стоимостью 300 фунтов, пользуясь беспомощностью замещавшей хозяина мисс Петуик. В дверях он столкнулся с входившим Арнольдом, выронил поднос и бежал на улицу, но был пойман хозяином ювелирной лавки и сдан полиции. В апреле следующего года Чарльз Серл попытался украсть с прилавка бриллиантовое кольцо стоимостью 50 гиней, однако Арнольд вовремя заметил пропажу. Серл успел выбежать из лавки, но его догнал констебль, и позднее воришка был приговорен к трехмесячному заключению с принудительными работами.

В 1900-х годах в доме Бенинга Арнольда сменились одно за другим несколько заведений. Например, в 1901 году здесь жил голландский парикмахер Николас Говерс с женой. В 1907

году там размещался салон художественной мебели леди Окленд. С этим салоном было связано судебное дело некоего Генри Александера, подрабатывавшего агентом «Придворного путеводителя» Вебстера и посетившего салон с предложением поместить в путеводителе рекламу. Леди Окленд не пожелала этого делать, но агент продолжал исправно навещать ее. Владелице салона даже пришлось написать издателям, но это не помогло. Однажды Александер пришел, когда в салоне был муж леди Окленд, лорд Окленд, который попытался выдворить назойливого агента вон, за что получил по голове. В последующие четыре визита Александер повторил свои нападения на лорда Окленда, и тому пришлось вызывать полицию.

В конце десятилетия в доме на Бейкер-стрит, 72, поселились две дамы: мадам Кейт Берри, модистка, содержавшая здесь в дальнейшем салон, и мадам Жанна Хатлак, корсетница.

BARRI
MATERNITY
GOWNS.

Royal Letters Patent. Unobtainable elsewhere.
Especially designed to create proper balance for
the figure through changing proportions, and is
capable of the necessary expansion without
removal of any fastenings. Many designs for day
or evening wear.



Simple House Gown covered over in "Nankin"
like calico, wide waist-belt, and tucks of
black velvet, square neck, with high collar and
net-trim, full circular skirt. Price 7½ gns.
See Illustrated Catalogue 1914
BARRI, 72, BAKER STREET, W.

Глава 3. Бейкер-стрит

Земля в Англии принадлежала большей частью аристократии, и Бейкер-стрит находилась на территории так называемых портмановских земельных владений.

Сэр Уильям Портман из Сомерсета, лорд главный судья при Генрихе VIII, в 1533 году приобрел 270 акров, простиравшихся от Оксфорд-стрит до Сент-Джонс-Вуд.

Вплоть до 1755 года главным занятием в этом районе было свиноводство и производство компоста из «ночной почвы», как тогда называли человеческий кал, используемого для удобрения земли (забавно, что Уотсон, проживая здесь позднее, и весь Лондон называл «эта великая выгребная яма»). Новый владелец земли Эдуард Беркли Портман затеял на своих землях строительство многоквартирных кварталов, сдаваемых в долгосрочную аренду.

Это строительство началось на юге портмановских владений и распространилось вдоль Эдгар-роуд и Бейкер-стрит. Сама Бейкер-стрит прокладывалась с 1755 года Уильямом Бейкером, девонширским соседом Портманов, и была названа в его честь. К 1820 году уличная сеть на портмановских землях приобрела вид, более-менее узнаваемый и сегодня, и первоначальная застройка была в основном завершена.



Подметальщик, прочитавший о грядущей реформе уборки улиц. Рисунок из журнала

Большинство домов на Бейкер-стрит были построены в первой трети девятнадцатого века, то есть в позднегеоргианском стиле (точнее, в стиле Регентства – в 1811 – 1830-е годы), и представляли собой типичный образец английской ленточной (террасной) застройки, когда дома стояли в ряду одинаковых домов и соседние дома имели общие стены. Уже в середине XIX века этот район не был слишком престижным, так как находился у самой границы «старого» Лондона, за которой начинались унылые, безликие и не всегда качественные новостройки. Тем не менее дома здесь считались достаточно добротными. В романе «Домик в Аллингтоне» (1864) Энтони Троллоп писал: «Мы знаем, насколько мерзко звучит Бейкер-стрит и как совершенно омерзительно для утонченного уха название Фицрой-сквер. Однако дома в этих окрестностях солидны, теплы и хорошего размера».

К концу георгианского периода прежде строгое правило – терраса должна выглядеть как единое целое – перестало соблюдаться неукоснительно, и отдельные дома стали несколько отличаться друг от друга. Для георгианских домов было характерно использование желтых кирпичей местной лондонской формовки вместо красных; считалось, что они больше похожи на камень. От копоти желтый цвет превращался в желто-бурый и выглядел очень непрезентабельно. Наружные стены первых этажей таких зданий обычно были рустованы так называемым «Патентованным камнем Коуда» либо штукатурились и красились. В середине XIX века стало модно использовать краску светло-кремового цвета, а гравированные по штукатурке линии, имитировавшие камень, заполнялись серой краской. Крыши домов были покрыты черепицей из природного сланцевого уэльского шифера, обычно сине-черного, синего или зеленовато-серого, хотя оттенки колебались от темно-серого до серебристо-серого, даже багрянистого или сливового и сине-серого. Впрочем, с мостовой эти крыши обычно видны не были, так как ради экономии кровельного материала их делали с низкими скатами, а стены по тогдашним правилам пожарной безопасности должны были, по крайней мере, сантиметров на сорок возвышаться над краем крыши.

Из других характерных черт георгианских домов на Бейкер-стрит можно упомянуть наличие веерообразного светового окна над входной дверью, использование антаблементов, фронтонов, консолей и либо пилястр, либо колонок для оформления дверных и оконных проемов, а также установку простых подъемных окон с верхней и нижней скользящими рамами, которые могли сдвигаться вертикально независимо одна от другой. Из-за технологических ограничений и высокого налога на стекло до 1850 года в оконных рамах использовались частые переплеты, позволявшие застеклять окно при помощи стекол небольших размеров. С развитием технологии и ликвидацией налога стало возможно использовать большие стекла, но в 1870-х вновь стали модны мелкие стекла, правда, только в верхней половине окна.

Земля под строительство предлагалась на условиях аренды, и арендная ставка основывалась на размере строящегося дома. В среднем, согласно строительному кодексу 1774 года, тарифные разряды были следующие:

- четвертый разряд: размер до 350 кв. футов;
- третий разряд: 350–500 кв. футов;
- второй разряд: 500–900 кв. футов;
- первый разряд: от 900 кв. футов и выше.

Учитывалась площадь земли под домом, а не всех помещений. Дома первого, второго и третьего разряда были четырехэтажными, четвертый разряд имел лишь три этажа. Дома первого и второго разряда имели по фасаду три окна, дома третьего и четвертого – только два. Учитывая количество народа, проживавшего в доме миссис Хадсон: сама квартирная хозяйка, кухарка, горничная (а также, возможно, мальчик-слуга) и двое квартирантов, притом, что на первом этаже располагалась лавка, – можно предположить, что дом № 221-б принадлежал, ско-

рее всего, к третьему разряду, т. е. имел по фасаду два окна. Это подтверждается описанием гостиной в «Этюде в багровых тонах».

Сама миссис Хадсон была скорее арендатором, чем свободным владельцем одного (а может, даже нескольких – мы ничего не знаем об этом) зданий. Тот же Бенинг Арнольд, как я вскользь упоминал уже, владел арендой не только дома 72 по Бейкер-стрит. В 1867 году он подавал объявление в газеты о сдаче внаем мастерской, с большой гостиной и пристроенной конюшней, специально приспособленной для художников-любителей, коллекционеров книг и т. д. Располагалась мастерская близ Кавендиш-сквер, в весьма уважаемом районе. В 1878 году в «Таймс» было опубликовано объявление о сдаче в аренду на 12 месяцев небольшого меблированного дома в Бекенеме за 3 гиней в неделю. Адресоваться следовало к владельцу дома 72 по Бейкер-стрит, т. е. к тому же Арнольду.

Конечно, миссис Хадсон была в иной ситуации, чем ювелир. Скорее всего, оставшись одна после смерти мужа, она не обладала достаточными средствами для комфортной жизни без каких-то дополнительных доходов. Аренда на недвижимость в уважаемом жилом районе не только давала ей крышу над ее собственной головой, но и приносила достойные поступления, на которые она могла жить. Мы не знаем точно, когда миссис Хадсон стала хозяйкой в доме 221-б; мы даже не знаем, была ли она пожилой дамой или молодой интересной вдовушкой, поэтому приведем несколько газетных объявлений, появившихся в «Таймс» на рубеже 1870 – 1880-х годов:

«Бейкер-стрит, близ Портман-сквер. 21-годовая аренда. Плата 210 фунтов. Страховой взнос, включая недвижимый инвентарь, 220 фунтов. Рента без страхового взноса 220 фунтов, недвижимый инвентарь 50 фунтов. Агенты Браун и Ко., Дьюк-стрит, 2, Гроувенор-Сквер, 3.»



Гувернантка с девочкой на улице. Поодаль молочник с тележкой. Рисунок из журнала "Punch". 1901

«Хороший ЧАСТНЫЙ ДОМ на Бейкер-стрит, держится в течение короткого, не истекшего еще срока прямо от лорда Портмана, продается с правом продления. Цена 160 фунтов».

«14-комнатный дом близ Портман-сквер, сдается, немеблированный, рента всего 200 фунтов ежегодно. Страховой взнос номинальный».

Какой-то похожий вариант был предоставлен и агентами по недвижимости, к которым обратилась миссис Хадсон. На самой Бейкер-стрит тоже было несколько агентств, в частности, Джордж Маддокс, земельный агент и обойщик мебели, возглавлял контору Портмановского агентства в № 20, а в №№ 68–69 находилась контора агентов по недвижимости (а по совместительству обойщиков) Друса и Ко.

Примеров объявлений о сдаче в наем квартир в 1881 году – миссис Хадсон наверняка давала объявление в газеты – тоже предостаточно. Выглядели они примерно так:

«КОМНАТЫ, меблированные, 221-б, Бейкер-стрит, Портман-сквер, для одного или двух джентльменов. Гостиная с одной или двумя спальнями, хорошая кухня. Обращаться на месте к м. Хадсон».

«Лондонские словари» Диккенса-сына в конце 1870-х и в 1880-е сообщают, что в районе, где подыскали себе жилище Шерлок Холмс с доктором Уотсоном, гостиную со спальней можно было снять по цене от 15 до 30 шиллингов в неделю. Холмс с Уотсоном сняли гостиную с двумя спальнями и пансионом, что стоило им несколько дороже. По мнению Майкла

Харрисона, размер этой оплаты был 4 фунта (может быть 4 гиней) в месяц, т. е. по 10 шиллингов с носа еженедельно. Мы точно знаем размер пенсии Уотсона в 1881 году, платившейся ему правительством в течении девяти месяцев для восстановления здоровья – 11 с половиной шиллингов в день, так что в неделю за вычетом квартирной платы доктору оставалось 3 фунта 10 шилл. 6 пенсов. Позднее он получал то ли пенсию по ранению, то ли половинное жалование как военный хирург в запасе – в двух разных рассказах Конан Дойл указывал разные варианты. Харрисон считал, что в дальнейшем миссис Хадсон могла снизить сумму до 3 фунтов за «постоянство», но как раз потом проблема оплаты уже не стояла так остро: ведь и материальное положение Шерлока Холмса росло вместе с его известностью. (Не будем брать в расчет Уотсона, который все время норовил жениться и удрать от своего беспокойного и беспорядочного в привычках друга).

В рассказе «Шерлок Холмс при смерти», опубликованном в 1913 году, доктор Уотсон писал: «С другой стороны, платил он по-княжески. Я не сомневаюсь, что тех денег, которые он выплатил миссис Хадсон за свои комнаты за годы нашей с ним дружбы, хватило бы на покупку всего ее дома». Более того, со временем Холмс явно расширил количество занимаемых им в доме помещений, на что имеются некоторые косвенные указания, которые будут обсуждаться далее.

Существовало три варианта оплаты – по понедельно, ежемесячно и каждую четверть года, – как правило, в марте, июне, сентябре и декабре (в т. ч. 29 сентября в день Св. Михаила и 29 декабря с возможностью отсрочки в 15 дней). Скорее всего, Холмс с Уотсоном поначалу платили ежемесячно.

Познакомимся теперь с течением жизни на Бейкер-стрит, а затем я расскажу о соседях великого детектива.

«Рано утром, до того как трубы зданий и фабрик, железнодорожных машин и пароходов успеют заполнить воздух дымом, Лондон представляет необычное зрелище. Он выглядит чистым. Здания имеют приятный вид; утреннее солнце золотит грязную акваторию Темзы; арки и быки мостов выглядят легче и не столь неуклюжими, как днем, да и публика на улицах тоже весьма отличается от прохожих, которые переполняют их в более поздний час», – писал в 1850-х годах немецкий путешественник Макс Шлезингер.

Подобное состояние лондонских улиц бывало также по воскресеньям в теплые летние дни, когда фабрики были закрыты, и уголь жгли только на кухнях жилых домов. В остальное время дымный туман висел над Лондоном, даже когда настоящего тумана не было. Он мог иметь различный цвет: синеватый, грязно-серый или даже бурый, и приносил с собой резкий неприятный запах. Чтобы описать такой день, когда на уровне земли не было никакого тумана, а солнце закрывалось фабричными дымами, современники Холмса использовали такие термины, как «дневная тьма» (day darkness) или «верховой туман» (high fog). В «Этюде в багровых тонах» днем, когда улицы не были затянуты туманом, инспектор Лестрейд вынужден зажечь спичку, чтобы продемонстрировать Холмсу надпись на стене пустого дома.

«Лондон вообще некрасив, угрюм и грязен, – вспоминал в своей книге «Тени минувшего» бывший народоволец, а впоследствии адепт монархизма Лев Тихомиров, посетивший Лондон в начале 1884 года. – В мрачной лондонской атмосфере, пропитанной дымными туманами, все чрезвычайно быстро чернеет. Там даже крахмальные рубашки нужно менять два-три раза в день.



Земляные работы по прокладке электрического кабеля. Рисунок из журнала "Punch". 1890

Знаменитый собор Святого Павла, выкрашенный в белый цвет, похож на какую-то зебру, так как все части стен, более подверженные действию ветров, превратились в черные полосы на относительно белом фоне. Вывески по улицам тусклы, иногда совсем почернели, а для того чтобы они были сколько-нибудь красивы, их нужно подкрашивать очень часто. Эта черноватая туманность, придающая Лондону такой мрачный вид, происходит от соединения двух условий: сырого воздуха и массы фабричного дыма. Частички дыма обволакивают частички паров, и из этого смешения образуется тяжелое, грязное облако, лежащее над землей и с трудом сдуваемое ветром.



В относительно очень светлое время я выходил на Темзу – посмотреть на великую английскую реку и, можно сказать, немного увидал. Правда, был смутно заметен даже противоположный берег – а Темза гораздо шире Невы – но трудно было что-нибудь рассмотреть. Разные суда, копошившиеся по реке, были видны тоже плохо, да и сама Темза имела вид какого-то тяжелого, гигантского стока помоев».

Но еще до того, как дым заволакивал лондонские улицы, на Бейкер-стрит появлялись «подметальные машины» – фургоны с грубыми щетками, смонтированными на вращающемся барабане. Приходские управления общественных работ ежегодно нанимали кучеров специально для этих устройств. Вращающиеся щетки собрали уличную грязь и накапливали ее в фургоне. Хотя качество уборки улиц этими машинами было ниже, чем если бы это делали дворники с метлами, и они наносили некоторый вред дорожному покрытию – в тех случаях, когда оно было асфальтовое или деревянное, – использование машин позволяло убирать улицы быстрее и дешевле. Медленно, с глухим грохочущим звуком они двигались вдоль улицы, выстроившись по две-три в ряд, и убирали пыль и мусор, накопившийся с вечера. Летом также проезжали водовозы на телегах, на которых были установлены железные прямоугольные баки с торчавшим сзади отрезком перфорированной трубы, и поливали дороги, чтобы прибить пыль.



Уличная сценка. Рисунок из журнала "Punch". 1891

Затем начиналось время прибытия торговцев на лондонские рынки. По Бейкер-стрит пролегал маршрут тех, кто намеревался попасть на Портманский сенной и овощной рынок на Карлайл-стрит (он находился на северо-западе, юго-западнее Риджентс-парка) и на Клерский и Ньюпортский продуктовые рынки в центре. Быстрой рысью пронеслись фургоны и телеги с овощами, торопясь поспеть к ранним покупателям. Их сменяли угольные фургоны и телеги с пивоваренных заводов, которым разрешалось разгружаться на основных улицах города только в определенные часы. Одновременно легкие двухколесные тележки мясников, торговцев рыбой и хозяев гостиниц пронеслись в надежде успеть выбрать самое лучшее и закупить по низкой цене. Тогда же на свет Божий выбирались из люков и отправлялись по домам рабочие, чьей заботой были подземные газовые и водопроводные коммуникации и канализация столицы, а в других частях Лондона нужда выгоняла на улицы докеров и складских рабочих, работников потогонных мастерских.

Бейкер-стрит была улицей дорогих портных и фотографов, поэтому деловая жизнь начиналась здесь несколько позже. Между семью и восемь утра по улице проезжали первые omnibusy: Бейкер-стрит отнюдь не была тихим и спокойным местом – днем она была одним из самых загруженных в транспортном отношении проездов. Именно здесь ходили из северного Лондона в южный и обратно зеленые omnibusy линии «Атлас», здесь всегда было полно кэбов и частных экипажей.

Незадолго до 8 утра невыспавшиеся половые в трактирах и приказчики в лавках начинали снимать ставни на своих заведениях. Грузные чемоданами, саквояжами и картонками кэбы спешили доставить пассажиров на железнодорожные вокзалы к утренним поездом. На улицы выходили клерки, отправлявшиеся в банки и другие места службы. Разносчики утренних газет оглашали воздух своими криками. К 10 часам все окна и двери были уже открыты, жизнь на Бейкер-стрит кипела вовсю, тротуары были заполнены людьми, а по проезжей части с грохотом и шумом двигались бесчисленные экипажи. У перекрестков дежурили старики и мальчишки с метлами, называвшиеся по-английски *cross-sweeper*'ами; их задачей было разметать мостовую перед переходившими улицу дамами и господами от навоза и пыли. Часто среди юных метельщиков дамы избирали любимчиков, доверяя только им обеспечивать чистоту своих подолов и давая щедрые чаевые, а на Рождество оделяя подарками.

Начиналось время уличных торговцев, переходивших от двери к двери, предлагая хозяйкам и кухаркам свои товары. Во время завтрака или утреннего чая у дверей дома миссис Хадсон могли появиться девочки, продававшие свежий кресс-салат. Сразу после завтрака появлялись мальчишки в голубых блузах и темно-синих передниках, собиравшие заказы на мясо. Почти наверняка кухарка миссис Хадсон пользовалась этой услугой, потому что мясных лавок в окрестностях дома на Бейкер-стрит не было. Спустя несколько часов мальчишки возвращались с лотками, полными кусков мяса; к каждому был приколот ярлык с написанными яркими чернилами именем и адресом заказчика. Сходить в кондитерскую за булками было недалеко, а вот молоко в доме 221-б покупали у молочников или у женщин-селянок в белых сорочках, которые ходили по улицам с двумя закрытыми ведрами, подвешенными на коромысло.

Обычным зрелищем на Бейкер-стрит были продавцы сдобы с колокольчиком и с лотком на голове, торговцы «едой для кошек», продававшие из корзин или с тележек конину, покупаемую ими на живодернях, и мальчишки, собиравшие на улицах навоз и потом продававшие его домохозяйкам как садовое удобрение. Миссис Хадсон вполне могла быть клиентом таких мальчишек, потому что на Бейкер-стрит она была одной из немногих, кто имел небольшой садик, да еще с растущим в нем платаном. Ходили зеленщики с запряженными пони тележками, с которых они торговали всевозможными фруктами и овощами, кроме апельсинов и каштанов.



Уличный торговец. Рисунок из журнала "Punch". 1892



Уличная сценка. Рисунок из журнала "Punch". 1892

С конца мая и до середины июня улицы были заполнены барышнями, продававшими клубнику. Их крики «Прекрасная земляника! Спелая! Вся спелая!» призывали жителей купить самую вкусную ягоду из тех, что выращивались на Британских островах. Летом на Бейкер-стрит можно было встретить продавщиц вишен, продавщиц лаванды, цветочниц с тачками или лотками и продавца липучек для мух в поношенном старом цилиндре, вокруг которого были наклеены липучки с пойманными мухами. Осенью на улицах продавали длинные красные подушечки от сквозняков, наполненные опилками; этими подушечками закрывали щели под дверями и окнами. Зимой у уличных торговцев на Бейкер-стрит можно было купить жареные каштаны и печеный картофель.

Многие уличные торговцы имели постоянные места. Обычно в окрестностях трактиров устанавливались утром и разбирались вечером лотки и палатки торговцев фруктами и овощами, продавцов сладостей, тушеных угрей, бараньих ножек и устриц. Имели свои постоянные места и чистильщики обуви. На «приличных» улицах, в том числе наверняка и на Бейкер-стрит, это были члены т. н. «Бригады чистильщиков», имевшие красную униформу и подчинявшиеся единому управлению. «Всегда занятый чистильщик сапог, – описывал члена этой бригады американец Дж. М. Бейли в книге «Англия с заднего входа»

– в красной рубашке и картузе с околышем, который всегда одной рукой указывает укоризненно на ваши грязные туфли, а другую прикладывает уважительно к своему картузу.» За свое постоянное место чистильщики платили своей организации, взимая с клиентов за наваксивание пары туфель один пенни.

В то же время начинали свое печальное шествие вдоль водосточных канав люди-сэндвичи с рекламными плакатами спереди и сзади – им не разрешалось ходить по тротуару, а на проезжей части было опасно. Более того, они не имели права приближаться друг к другу на расстояние менее 30 м.

«Людам, одетым в гротескное платье рекламного характера, не позволяется здесь [в Лондоне – С.Ч.] пугать лошадей и оскорблять утонченные вкусы вроде моего, – писал Дж. Бейли, – но вы можете видеть большое число их торжественно шествующими взад-вперед, с рекламными щитами, несомыми спереди. Однако им не позволяют идти по тротуарам и они должны

ограничить свои хождения сточными канавами. Им платят четырнадцать пенсов в день, и они редко теряют хотя бы день из-за расстройства желудка.»



Чистильщик обуви. Рисунок из журнала "Punch". 1894

В конце дня на Бейкер-стрит появлялись продавцы съедобных ракушек и мидий, а в будние дни во время вечерней трапезы шествовали половые из трактиров, которые несли деревянные рамы, разделенные продольно на две части, с двумя закрепленными в них металлическими кувшинами – один с портером, другой с более крепким темным пивом – стаутом. Они шли по известным им адресам, но доктор Уотсон или Шерлок Холмс, приметив их из окна, могли пригласить подняться к себе в гостиную.

К этому времени жизнь на Бейкер-стрит начинала успокаиваться. По улицам пробегали фонарщики с лестницами. Они ловко карабкались на фонари, открывали дверцу, зажигали горелку и, спустившись вниз, бежали до следующего фонаря. Высота фонарного столба была около 3–3,5 м, расстояние между ними на Бейкер-стрит было около 20 м, на более тихих и бедных улицах оно могло составлять до 40 м. Обыкновенно один фонарный рожок расходовал 150–200 л газа в час. Позднее, когда появились интенсивные газокальильные горелки, высота фонарного столба увеличилась до 8 м, а потребление газа выросло до 1600 л.



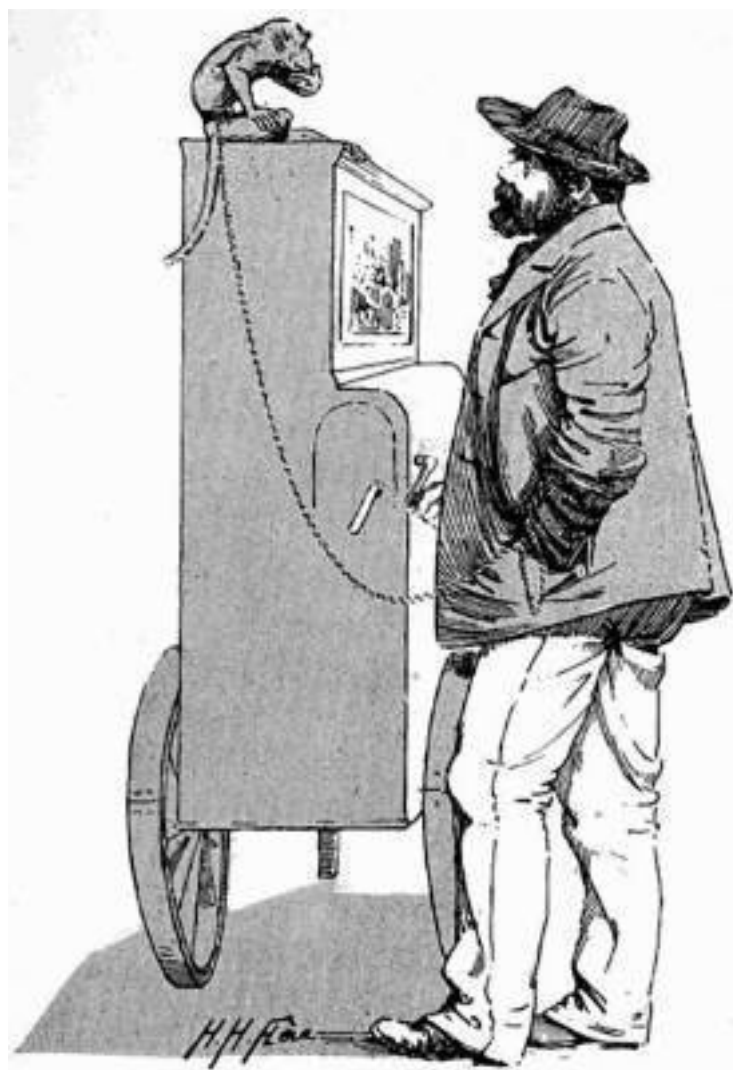
Уличные музыканты. Рисунок из журнала "Punch". 1892

С 9 до 9:30 вечера по рабочим дням, с 10:30 до 11 вечера в пятницу разбирались палатки и ларьки. К полуночи только трактиры, табачные лавки да аптеки все еще работали. Правда, по субботам многие лавки продолжали свою работу тоже до полуночи. В половине первого закрывались трактиры, и жизнь окончательно замирала до утра. Таково было ежедневное течение жизни на Бейкер-стрит. Если только на Лондон не спускался настоящий смог.

Помните описание лондонского смога в «Чертежах Брюса-Партигтона»?

«На третьей неделе ноября 1895 года на Лондон спустился густой желтый туман. Я сомневаюсь, было ли вообще возможно с понедельника до четверга из окон нашей квартиры на Бейкер-стрит различить очертания зданий на противоположной стороне. Первый день Холмс потратил на приведение в порядок своего толстого справочника, снабжая его перекрестными ссылками и указателем. Второй и третий день были им терпеливо посвящены предмету, недавно ставшему его коньком – музыке средневековья. Но когда на четвертый день мы после завтрака, отодвинув стулья, встали из-за стола и увидели, что за окном жирное, бурое колыхание все так же медленно ползет мимо, маслянистыми каплями оседая на стеклах, нетерпеливая и деятельная натура моего друга решительно отказалась влачить столь унылое существование. Досадуя на бездействие, с трудом подавляя свою энергию, он расхаживал по комнате, кусал ногти и постукивал пальцами по мебели, попадавшейся на пути.

– Есть в газетах что-либо, достойное внимания? – спросил он.



Итальянский шарманщик. Рисунок Х.Х. Флор из журнала «The Sketch». 1893



Лондонская погода. Вдалеке видна печь для нагревания битума, использовавшегося при дорожных работах. Рисунок из газеты "The Illustrated London News". 1891

Я знал, что под «достойным внимания» Холмс имеет в виду что-нибудь из мира преступлений. В газетах были сообщения о революции, о возможности войны, о неминуемой смене правительства, но все это находилось вне сферы интересов моего компаньона. Я не смог заметить ничего такого, что было бы облечено в форму преступлений, не носивших обычный пустяковый характер. Холмс издал стон и возобновил свои беспокойные блуждания.

– Лондонский преступник – безусловно, унылый бездарь, – сказал он ворчливо, словно охотник, упустивший добычу. – Гляньте-ка в окно, Уотсон. Видите, как вдруг возникают и снова тонут в клубах тумана смутные фигуры? В такой день вор или убийца может рыскать по Лондону, словно тигр в джунглях, невидимый, пока не нападет внезапно, но даже тогда его увидит лишь сама жертва.

– Произошло множество мелких краж, – заметил я.

Холмс презрительно фыркнул.

– Эта величественная и мрачная сцена предназначена для чего-то большего, – сказал он. – Счастье для общества, что я не преступник».

«Посмотрите в окно. Как уныл, отвратителен и безнадежен мир! – говорил скучавший без дела Шерлок Холмс Уотсону в «Знаке четырех». – Посмотрите, как желтый туман клубится по улице, обволакивая грязно-коричневые дома. Что может быть более прозаично и грубо материально?»

А вот еще одно описание смога холодным туманным утром ранней весной, на этот раз из «Медных букв»:

«Густой туман тек между рядами сумрачных домов, и окна напротив маячили темными бесформенными пятнами сквозь тяжелые желтые клубы».

Классический лондонский смог возникал оттого, что с туманом соединялся дым от сжигания большого количества угля в домах и на многочисленных фабриках и заводах. 1880-е годы, то есть первые десять лет дружбы Шерлока Холмса и доктора Уотсона, были пиком этих туманов. Если между 1871 и 1875 Лондон был окутан смогом 51 день в году, то между 1881 и 1885 это было уже 62 дня, а между 1886 и 1890 – 74 дня в году. Самые густые туманы возникали в ноябре и могли продолжаться до самой весны. Кроме мистической и тревожной атмосферы, которую клубы тумана создавали на лондонских улицах, они служили источником множества вполне реальных проблем. Во-первых, туманам всегда сопутствовало полное прекращение движения городского транспорта. Если бы Холмс с Уотсоном дольше смотрели на Бейкер-стрит, окутанную гороховым туманом, они бы увидели, как пробираются по улице omnibusы, предшествуемые специальными провожатыми с факелами или фонарями в руках. Конной железной дороги на Бейкер-стрит не было, но в Лондоне это был единственный, помимо omnibusов, вид транспорта, рисковавший выходить на маршруты. Наемные кэбы в такую погоду были беспомощны, поскольку кэбменам нужно было самим искать путь во мгле и никто в этом деле не помогал им. В таких случаях самым быстрым и надежным средством передвижения становилась подземка. Однако самой большой проблемой была угроза для здоровья. В течение одной туманной недели 1880 года от респираторных заболеваний умерло на 600 человек больше, чем в обычные недели без тумана. В 1878 году сотни голов крупного рогатого скота погибли от удушья на сельскохозяйственной выставке в пригороде Лондона Излингтон, и еще больше было прирезано из «туманных соображений».

«Я был в Лондоне в светлое, по-тамошнему, время, так что несколько раз видел красный диск солнца, однако и при мне туман несколько раз мешал находить дорогу на улицах, – вспоминал Лев Тихомиров. – А лондонцы говорят, что когда наступает настоящий туман, то на улицах не видно экипажей и на тротуаре человек пропадает из виду уже в двух шагах».

Натаниэль Готорн в своих «Английских тетрадах» за 1859 год описывал довольно легкий лондонский смог так:

«В то утро, когда настало время вставать, был только лишь слабый отблеск дневного света, и у нас на столе за завтраком, почти в десять часов, стояли свечи. Снаружи был плотный, тусклый туман, заволокший все настолько, что мы едва могли видеть противоположную сторону улицы. В одиннадцать часов я вышел в самую середину этого тумана, который в тот миг казался несколько более смешанным с дневным светом; ибо, казалось, происходят непрерывные изменения в плотности этой тусклой среды, которая меняется так сильно, что вот сейчас вы можете видеть не дальше своей руки, а мгновение спустя вы можете видеть, как кэб выскакивает из сумрака в двадцати ярдах от вас...»

Я пошел домой через Холборн; туман был более плотен, чем когда-либо – очень черен, действительно более похожий на квинтэссенцию грязи, чем на что-нибудь еще; призрак грязи, одушевленная сущность грязи, отошедшей в мир иной... Добравшись до дома, я обнаружил, что туман распространился по гостиной, хотя как он мог проникнуть в нее – тайна. Начиная с сумерек, однако, атмосфера снова ясна».

Настоящие туманы, – утверждал известный английский журналист Джордж Сала, – «были туманами, осязаемыми на ощупь, так что вы могли... закупорить их в бутылку для дальнейшего осмотра». Автор «Живописных зарисовок Лондона» Томас Миллер говорил, что в тумане человек чувствовал себя оказавшимся «в растворе желтого горохового пудинга, достаточно густого как раз для того, чтобы проходить через него, не будучи совершенно удушенным или полностью задохнувшимся... каждый раз, когда вы открываете рот, вы глотаете его,

и целый день вынуждены жечь свет и, в дополнение к туману, вдыхать пары от газа, свечи или лампы, у которых шанс на спасение не больший, чем у вас, так как горят они тускло, желтым светом и дурно... [уменьшение количества кислорода в заполненном смогом воздухе сказывалось на яркости горения газа. – С.Ч.] Вы осторожно ступаете вперед, нащупывая ваш путь вдоль стен, окон и дверей всякий раз, когда есть возможность, пока вы, наконец, не кувирнетесь с головой в какой-нибудь подвал... или, возможно, подземный угольный погреб... Вы опять выбегаете на улицу; а поскольку вы не можете видеть ни на ярд перед собой, то ломаете ноги о бидон молочника... Даже тот, кто хорошо знаком со всеми углами и закоулками нашего далеко распростершегося города, удивительно обманываются в расстоянии и величине, которую принимают предметы, когда они разрастаются до неясных и гигантских размеров через плотный туман. Газовые фонари выглядят так, будто находятся на высоте третьего этажа, если только вы не стоите прямо под ними, поскольку свет, который они испускают, почти весь направлен вверх... Разок поверните неправильно, и можете считать себя сверхудачливым, если сумеете снова найти правильную дорогу в течение трех часов... Вы, кажется, идете как назад, так и вперед; и некоторые старые кокни действительно утверждают, что самым надежным способом добраться до Темпл-Бара от Чаринг-Кросса было бы... решительно идти в другую сторону, ни разу не поворачивая головы, и что к концу третьего часа вы почти наверняка доберетесь до места, куда намеревались попасть, если только не пройдете мимо».



Лондонский смог. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Смог не только мешал пешеходам и экипажам: он представлял большую проблему и для всех, кто работал в Лондоне – ремесленникам, ювелирам и часовых дел мастерам, портным и фотографам. А таковых, как мы сейчас увидим, среди соседей Шерлока Холмса было немало. Им приходилось даже днем использовать дорогое газовое освещение, а те, кто не мог себе этого позволить, просто не могли ничего делать. Да и газ не всегда спасал. В декабре 1859 года Энгельс писал Карлу Марксу: «...как только я зажег газ, то оказалось, что он горит до того тускло, что во всей конторе пришлось остановить работу. В моей квартире уже около недели

еще хуже: из-за продолжительного мороза с туманом столько газа потребляется в течение дня, что вечером совсем нет давления, а следовательно, нет и света. Это лишает меня возможности написать сегодня статью...»

Глава 4. Соседи

Теперь пришло время посмотреть, кто же оказался соседями Холмса с доктором Уотсоном, когда оба жильца перевезли свои вещи в дом миссис Хадсон.

Если встать спиной к дверям дома 72, который мы выбрали в качестве дома 221-б (из уважения к долгой жизни Бенинга Арнольда, проживавшего в тот год в доме 72 вместе с горничной и кухаркой, мы поместим здесь его ювелирную лавку на первом этаже), то налево до угла с Кинг-стрит будут всего два здания. Ближайшее, № 71, занимал профессор музыки Джордж Карр с женой, 3 дочерьми, 3 сыновьями и служанкой, однако в тот же год они съехали. Напрашивается вывод, что профессор музыки сбегал вместе с семейством, не выдержав музыкальных упражнений Холмса на скрипке. И самому тяжело слушать, да и ученики приходят. Брандмауэры между террасными домами очень часто были всего в полкирпича толщиной вместо положенного кирпича (т. е. примерно 11 см), так что звуки скрипки наверняка были слышны соседям. Возможно, что в эту стену Холмс еще и из револьвера стрелял, выводя вензель королевы Виктории. Наши предположения подтверждаются и тем, что занявший квартиру профессора обойщик Томас Артауд и портниха мадам Луиза Фреше тоже недолго здесь прожили и через несколько лет съехали. Вместо них в доме открыл кондитерскую француз Жозеф Дюбуа, который уже никуда отсюда не девался по крайней мере до Первой мировой войны. Может быть, он был тугим на ухо, а может, ему даже нравилась музыка, исполняемая соседом. У него миссис Хадсон могла покупать себе сладости, а доктор Уотсон – конфеты для очередной своей невесты. Одновременно с кондитерской Дюбуа, квартиру в доме 71 снимали обычно портнихи.

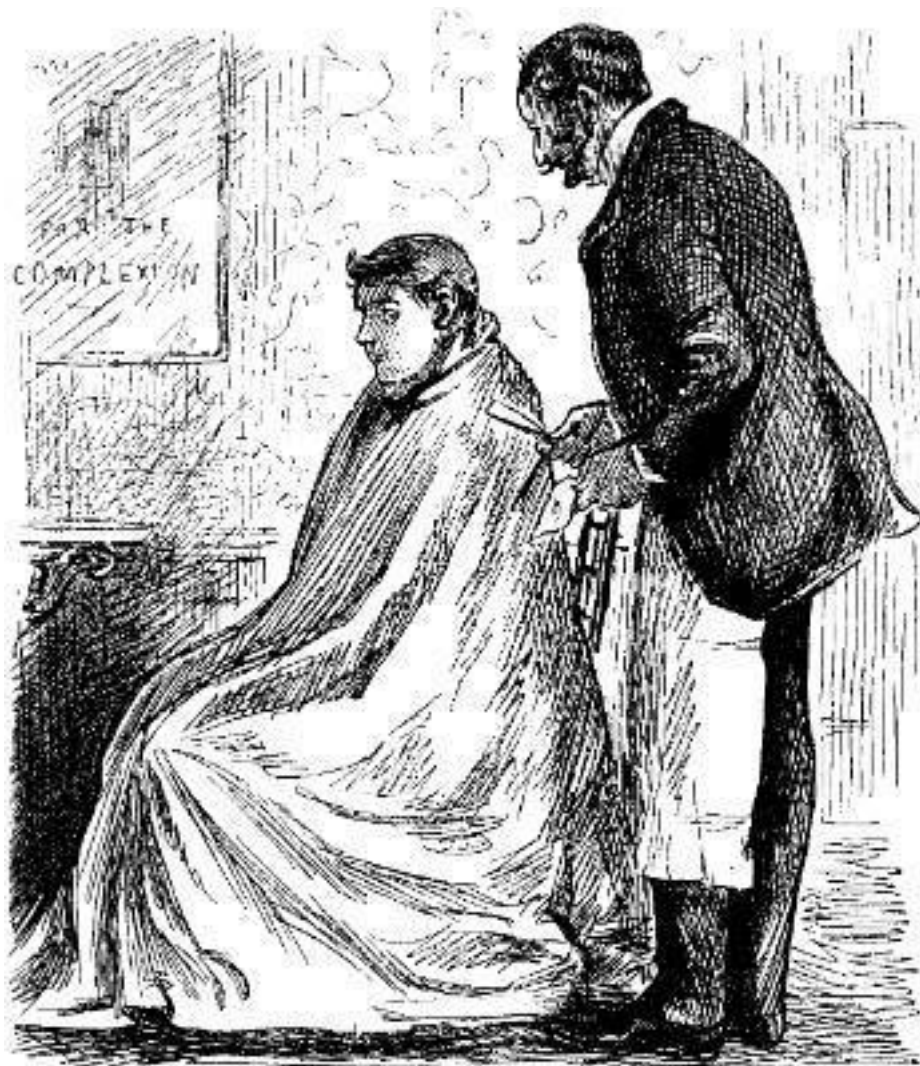
Угловое здание занимал вестэндский филиал Объединенной страховой конторы, заведение довольно старое, располагавшееся здесь как минимум с начала 1840-х годов и во все время проживания Холмса на Бейкер-стрит. Управлял филиалом в 1881 году Чарльз Дарелл, но затем его сменил Роберт Лаудон, продолжавший исполнять свои обязанности до самой мировой войны.

Дом 73 справа служил жилищем парикмахеру, парфюмеру и специалисту по восстановлению волос Роберту Эймзу, его жене, двум дочерям, сыну, двоюродной сестре, служанке и помощнику.

у. Мистер Эймз, а с конца 1890-х его вдова, продолжавшая дело супруга, были постоянными соседями Холмса и никогда в интересующее время не покидали этот дом. Так что великий детектив всегда мог заглянуть к ним в заведение и заказать очередной парик для маскировки. Дом 73 был, видимо, достаточно большим, потому что Эймзы не только, подобно их соседу-ювелиру Арнольду, сдавали в аренду другую недвижимость, но в том же доме в 1881 сдавали комнаты портнихе миссис Амелии Барбер с ее взрослым сыном и двоюродной сестрой-портнихой. И при этом им всем было где поместиться.



Массаж головы в парикмахерской. Рисунок из журнала "Punch". 1891



Парикмахер. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Дом 74 в 1881 году делило фотографическое заведение Генри Ашдауна и ювелирная лавка Чарльза и Уильяма Найтов. Последние не выдержали конкуренции с Арнольдом и вскоре исчезли с Бейкер-стрит, да и фотограф тоже предпочел уступить место портнякам и дамским портным.

В доме 75 располагалась лавка канцелярских товаров француза Эмиля Маскара, вполне процветавшего на этом месте вплоть до Первой мировой войны. Сам он с семейством жил не здесь, а за углом на Бландфорд-стрит. Жилые помещения занимала портниха мисс Маргарет Стьюарт с сестрой, двумя племянницами и служанкой.

Дом 76 занимала торговка книгами и канцелярскими товарами миссис Катрин Хемпфри с дочерью, служанкой и одной квартиранткой. Видимо, окрестные жители Бейкер-стрит потребляли очень много чернил и бумаги, потому что и через десять лет здесь все еще была канцелярская лавка (правда, с другими хозяевами, девицами Эмили и Флоренс Белл), к рубежу столетий все же сменившаяся на ателье вышивальщиц.

Дом 77 служил в 1881 году мастерской выходного платья, которой владела миссис Э. А. Джонстон, с коей проживали еще 7 девушек-портних и служанка.

Нижний этаж дома 78 был складом экипажей-берлин Чамберса и Шульца, а в верхних этажах обитала мисс Л. Э. Грей, агент по приисканию, обучению и найму гувернанток, вместе с матерью и служанкой. Потом их всех сменила «Портман-Сквер Раббер Ко.», а к концу века-Фредерик Бакс, торговец антикварной мебелью.



В парикмахерской. Рисунок из журнала "Punch". 1892



Старая леди у фотографа-шотландца. Рисунок из журнала "Punch". 1891

Последним домом в этом квартале, прямо на углу с Джордж-стрит, был трактир «Св. Андрей», содержавшийся в 1881 году мисс Эмили Браун, а к концу века перешедший в руки миссис Элизабет Неттлтон.



В мясной лавке. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Как я уже упоминал выше, на противоположной стороне Бейкер-стрит, прямо напротив дома 72, находилась аптека Джона Тейлора, который проживал вместе с женой, двумя дочерьми, помощником аптекаря, кухаркой и горничной.

Слева от него в доме 14 жили супруги Бакенем, занимавшиеся пошивом мужских сорочек и дамских нарядов, два их сына, две дочери, внучка и служанка. Отдельно от них проживал еще один аптекарь, Чарльз Чайлдз с женой. Во времена воскрешения Шерлока Холмса мы находим здесь каретных мастеров братьев Мосс, еще через пять лет других каретных мастеров Дж. А. Лаутона и Ко.

На углу с Блэндфорд-стрит в доме 15 располагалось Дамское общество взаимопомощи, секретарем которого была миссис М. Дж. Лаптон. Из постоянных жильцов здесь была торговка галантереей с помощницей и служанкой, а также еще одна пожилая дама с дочерью-модисткой и внучкой. К 1894 году общество перебралось в другое место, а дом был полностью оккупирован портнихами и модистками. В XX веке население дома в целом сохраняло свой характер, хотя в верхних этажах расположилась частная лечебница мисс Элизабет Мастерс.

Дом справа от аптеки Тейлора (№ 12) занимали строитель Джон Э. Хаммонд, живший здесь с женой и служанкой, и портниха мисс Эмма П. Макферсон, с которой проживали 7 помощниц и служанка. Спустя 14 лет состав арендаторов стал несколько благороднее: кроме портнихи справочники указывают здесь фотографию Брауна, Барнза и Белла, а также аукционистов Перси Сларка и Ко.

Дом 11 занимал зеленщик Френсис Брукс с женой-портнихой, дочерью, двумя помощницами жены, квартирантом, кухаркой и горничной. В начале 1890-х здесь располагался уже итальянский ресторан Аброджио Цаффарони, куда Холмс мог ходить обедать после своего воскресения. Амброджио Цаффарони сменили братья Анноваци, но итальянский ресторан остался. Впрочем, к 1910 г. его уже здесь не было, вместо ресторации опять заселились портные.

Нижний этаж домов 9 и 10 занимала фотография Томаса Фолла, куда в течение всего своего проживания на Бейкер-стрит мог обращаться Холмс. В верхнем этаже № 10 жили Уильям Филлипс и сын, мастера по внутренней отделке домов, а в № 9 – сторож фотографического ателье с женой и двумя служанками.

В угловом доме 8-а находилась кондитерская Генри Энгельфилда и Ко; к рубежу столетий к совладельцам добавилось имя Уидера, который к 1910 г. стал главным партнером. Скорее всего, именно отсюда посыльный доставлял Холмсу с Уотсоном ужин в рассказе «Знатный холостяк».

Дальше на юг мы не пойдем. В этом направлении через квартал Бейкер-стрит заканчивалась, упираясь в Портман-сквер. Укажу только, что по восточной стороне, на дальнем углу высилась Портмановская англиканская церковь Св. Павла. «Подобно большинству ее соседей, это унылое, тяжелое, нецерковно выглядящее строение», – так описывалась церковь в книге 1878 года «Оксфорд-стрит и ее северные окрестности». Она была выстроена в 1779 году как частная церковь для Портмановских владений, а с 1899 стала приходской: с 1888 года в ней начали производить обряд крещения, а с 1899 – венчания. Священником здесь в год поселения на Бейкер-стрит Холмса и Уотсона был Невилл Шербрук.

Наша прогулка по Бейкер-стрит продолжится на север, в сторону Мерилебоун-роуд.

Самой большой достопримечательностью здесь был Бейкер-стритский базар, занимавший большую часть квартала по левую сторону и принадлежавший Уильяму и Эдмунду Боулнойсам. Первоначально он назывался «Портмановский базар». Он хорошо виден на плане и имеет выходы на Бейкер-стрит, на Кингс-роуд и в проулок Глостер-мьюз-ист. Это был самый популярный лондонский базар викторианского времени. Базаром в те времена назывались прообразы современных торговых центров, в которых сдавались различным владельцам помещения под лавки и другие заведения.

Из этих заведений, прежде всего, интересна выставка мадам Тюссо и Сыновей. Да, это тот самый музей мадам Тюссо, лакомая приманка для посещающих Лондон туристов. Выставка восковых персон обосновалась здесь в задней части здания в 1835 году, где и находилась вплоть до 1884 г., когда по распоряжению внука мадам Тюссо, Джозефа Ренделла, музей переехал на его нынешнее место, на Марилебоун-роуд. К моменту появления на Бейкер-стрит Холмса с Уотсоном сама мадам Тюссо уже тридцать лет как умерла, но ее восковые персоны продолжали пользоваться популярностью. Чтобы попасть на выставку, нужно было пройти через маленький холл и подняться на второй этаж по широкой лестнице. Сама выставка представляла собой хорошо освещенную анфиладу комнат длиной 74 м и шириной 15 м. Здесь были представлены британские короли от Георга IV в королевской мантии до королевы Виктории и покойного принца-консорта, европейские монархи и политики, убийцы и жертвы Французской революции. Были две комнаты Наполеона с реликвиями великого императора, в том числе походной кроватью, на которой он умер, и двумя экипажами, которыми он пользовался при Ватерлоо. Открыта выставка была ежедневно с 10 до 17 и с 19 до 23 часов (позднее время считалось лучшим для осмотра экспозиции). Стоимость посещения выставки составляла 1 шиллинг, детей можно было провести за полцены. Для тех, кто хотел посетить комнату Наполеона и «Палату ужасов», дополнительная плата составляла 6 пенсов. Здесь же можно было купить каталог за 6 пенсов. На пасху в апреле 1881 года в музее мадам Тюссо появился новый экспонат – восковая

фигура, изображающая умирающего Александра II, за две недели до того убитого в Петербурге народолюбцами.

По части торговли Базар славился в Лондоне 1880-х своими экипажами (депо экипажей принадлежало хозяевам Базара братьям Боулноисам) и прекрасным выбором китайских и японских товаров, занимавших цокольный этаж. Для торговли Базар был открыт ежедневно с 10 утра до 6 вечера. Когда музей восковых персон выехал из здания, его место заняли Портмановские залы, ставшие одними из наиболее популярных «залов для приемов» викторианских времен. Залы находились в задней части домов №№ 56, 57 и 58 по Бейкер-стрит, с импозантным входом на Бейкер-стрит, прорезанным в нижнем этаже дома № 58.

Что еще находилось в этом конце Бейкер-стрит? Несколько фотоателье – надо сказать, что фотографы почему-то любили Бейкер-стрит. На западной стороне в № 54 помещались знаменитые фотографы, господа Эллиот и Фрай, чья галерея «Талботайп» – возможно, названная в честь британского пионера в области фотографии Уильяма Фокса Талбота, физика и химика, изобретшего в конце 1830-х негативно-позитивный процесс калотипии, – тянулась по фасадам сразу двух домов: 55 и 56 (то самое место, что указывал Дойл Чуковскому как дом Шерлока Холмса). Здесь не только фотографировали, но и продавали фотографические аппараты. В № 63-а была фотография Уиндоу и Грува в № 44, кроме канцтоваров и парикмахерской, располагалась Имперская Фотографическая компания (Imperial Photographic Company); по восточной стороне – фотоателье Чарльза Смолла и Боннинга в № 22, Роберта Фолкнера и Ко в № 21 и Неттервиля Бриггса в № 20.

Уже после появления на Бейкер-стрит Холмса и Уотсона в угловом доме № 54 обосновалась «Лондонская меховая компания», а вот знаменитая похоронная компания Эдуарда Боддингтона находилась в доме 82 все время, пока Холмс проживал по соседству. В доме 65-а жили супруги Кост: муж изготавливал грудные эспандеры для ритмической гимнастики, а его жена была профессором ритмики.

Были на Бейкер-стрит еще несколько конкурентов Бенинга Арнольда: Джеймс Эдмондс держал ювелирный магазин в №№ 66 и 67 и Бейкер-стритском базаре, а в доме 25 жил ювелир Альфред Фуллер.

Существует утверждение о том, что прототипом доктора Уотсона был некий зубной техник (протезист) Уотсон, проживавший на Бейкер-стрит, но мне не удалось найти каких-либо его следов. А вот другие врачи на Бейкер-стрит были. Например, в домах № 33 (на углу с Дорсет-стрит) и № 34 проживали хирург Чарльз Хаммонд с семьей и квартирантом (армейским хирургом Р. А. Хайдом) и зубной хирург Артур Фредерик Кантон, так что наш доктор Уотсон был не одинок.

Почтово-телеграфная контора (и там же сберегательный банк), куда Холмс первоначально ходил отправлять свою корреспонденцию, находилась рядом, на Бландфорд-стрит. Позднее она переехала с Бландфорд-стрит на Бейкер-стрит в дом 66, но и тогда до нее было рукой подать. Ежегодно Холмс с Уотсоном навещали почту еще для одной надобности: чтобы купить себе за 10 шиллингов лицензию на ношение оружия вне дома, так как с 1870 года без лицензии оружие можно было держать только дома. Лицензия не имела регистрационного характера и была просто одним из способов пополнить казну.

Тот странный факт, что Уотсон в «Знаке четырех» ходил на почту так далеко, на Уигмор-стрит, может служить подтверждением уже высказанного мной предположения, что в противоположность заявлениям сэра Гарольда Моррисона, уже поселив героев на Бейкер-стрит, Дойл по крайней мере два года не удосуживался сам побывать на месте действия и потому ничего не знал о Бейкер-стритском почтовом отделении.



На почте. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Столь же странно пристрастие доктора Уотсона (и Холмса, видимо, тоже) к табачной лавке Бредли на Оксфорд-стрит. До появления на Бейкер-стрит Уотсон провел в Лондоне совсем немного времени (в гостинице на Стрэнде, которая значительно дальше от Оксфорд-стрит, чем дом 221-б), Холмс тоже жил в другом месте. Почему они выбрали именно эту лавку? Ведь на самой Бейкер-стрит и в окрестностях таких лавок было несколько. На юго-восточном углу Адам-стрит и Бейкер-стрит, прямо напротив церкви, там же, где и трактир «Герб Манчестера», была табачная лавка. Еще одна располагалась на северо-восточном углу Дорсет-стрит и Бейкер-стрит. В доме 19 по Блендфорд-стрит, на полпути между Кендаллис-мьюз и Манчестер-стрит, имелась табачная лавка Уильяма Холла, которого позднее сменила в качестве хозяйки мисс Сара Хейзель.



Воскресный день в трактире. Рисунок из журнала "The Graphic". 1879

Из культурных достопримечательностей на Бейкер-стрит можно также упомянуть Общество Глюка с секретарем Дж. А. Хатчинсоном во главе, занимавшее помещения в № 39, Аштонскую библиотеку в доме № 33, Квебекский институт и Ашемское общество в доме № 18, где собирались поклонники английского ученого и писателя Роджера Ашема (1515–1568).

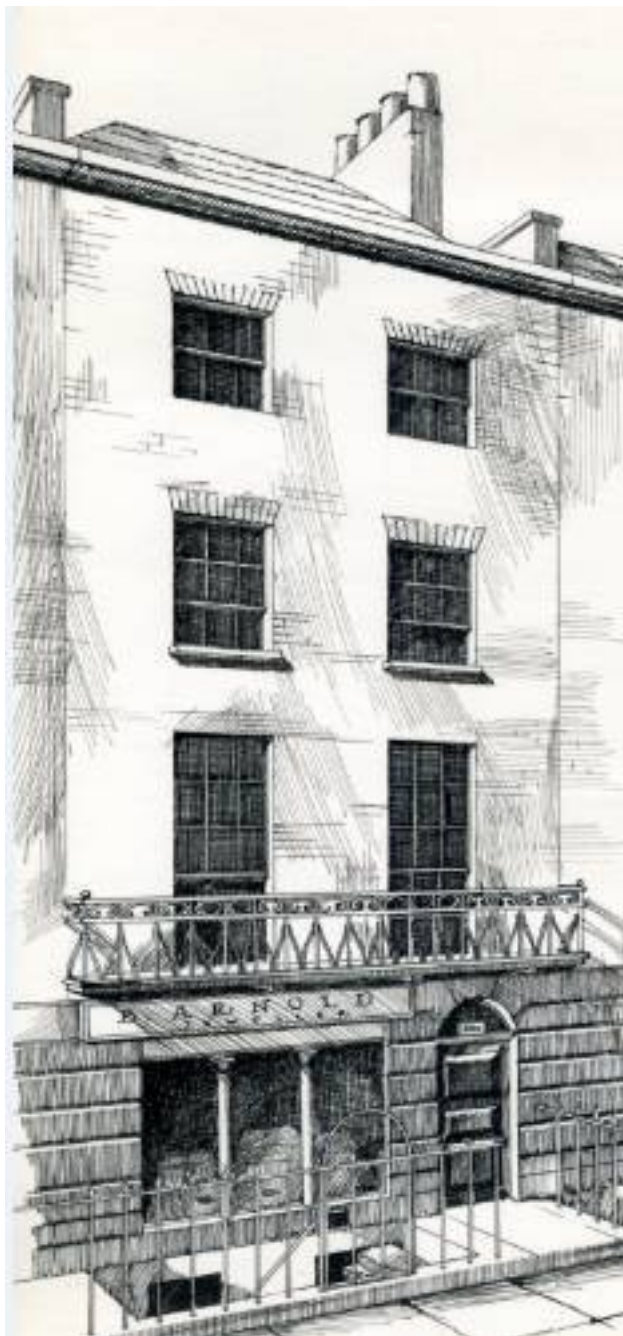
Ну и, конечно, жизнь лондонца была немыслима без питейных заведений. До знакомства с Холмсом доктор Уотсон не прочь был, похоже, «заложить за галстук»: мы знаем, что он встретился со Стемфордом в баре «Критерион» и, пригласив приятеля в ресторан «Холборн», также распивал с ним вино. Да и во время проживания в квартире на Бейкер-стрит у Холмса с Уотсоном не переводились алкогольные напитки. Прямо наискосок от их дома, на северо-восточном углу с Бландфорд-стрит, в доме № 16 находился прекрасный винный магазин «Генри Доламора и Ко.», основанный бывшим владельцем знаменитой таверны «Старый чеширский сыр» на Флит-стрит. Трактир «Святой Андрей» на углу с Джордж-стрит я уже упоминал. Если пройти по этой улочке на восток, то на юго-западном углу с Манчестер-стрит был трактир «Герб Уэстморленда», а если пройти на запад, то на юго-восточном углу с Глостер-Плейс – трактир «Герб Ворчестера». Трактир «Голова Уолласа» был на северо-западном углу Бландфорд-стрит и Ист-стрит. На северо-восточном углу Дорсет-стрит с Дорсет-мьюз-ист стоял трактир «Ячменная скирда», а на северо-восточном углу той же Дорсет-стрит и Спринг-стрит – трактир «Пшеничный сноп». Три трактира было на Ист-стрит: между Дорсет-стрит и Паддингтон-стрит – «Герб друидов», между Паддингтон и Йорк-плейс – «Герб Йорков», ниже Дорсет-стрит – «Военная удача». Ну, и на юго-восточном углу Адам-стрит и Бейкер-стрит, как уже говорилось, прямо напротив церкви можно было найти трактир «Герб Манчестера».

Из банков ближе всего к дому находилось отделение London and South Western Bank Limited, в доме 451 по Оксфорд-стрит – это на южной стороне улицы на углу с Orchard-стрит, продолжением Бейкер-стрит. Однако мы совершенно точно знаем, что Холмс имел счет в другом банке – Capital and Counties Bank Limited, который существовал все время Холмса и был

тем самым ульем, в сотах которого великий детектив копил свои сбережения, потраченные впоследствии на аренду пасеки в Суссексе. Его филиал находился в 195, Oxford Street. Это совсем не близко, да и условия вкладов и хранения там не отличались от других крупных банков, так что не понятно, почему Холмс выбрал именно его; возможно потому, что ко временам «Возвращения Шерлока Холмса» некоторые упоминания в тексте уже вполне могли и оплачиваться. А вот Ватсону выбирать не приходилось – за своей пенсией ему нужно было топтать на Чаринг-Кросс, в банк Cox and Co, который обеспечивал его денежным довольствием еще в Индии и Афганистане.

Глава 5. Дом 221-б

Теперь пора поближе осмотреть дом, где поселился Шерлок Холмс со своим другом доктором Уотсоном. Чтобы лучше представить себе устройство дома, я подготовил поэтажные планы дома 221-б, взяв за основу планы аналогичных домов викторианской эпохи.



Дом 221-б по Бейкер-стрит. Рисунок А. Владимирова

Обычно лондонский средней руки дом имел подвал или, скорее, цокольный этаж, заглубленный на всю свою высоту в землю. От улицы дом отделялся рвом, вырытым вдоль наружной цокольной стены. Этот облицованный кирпичом ров (в который выходили окна цокольного этажа) обносился со стороны улицы чугунной или железной оградой с острыми пиками. Пики

были не только украшением – многие домохозяйства специально затачивали их острия, полагая их действенным средством против воров и уличных животных, кошек и собак. Впрочем, миссис Хадсон или ее горничную трудно представить с напильником в руках затачивающими пики, разве что Билл, которого нанял себе позднее Шерлок Холмс, мог быть пристроен к этому делу. Через ров к входным дверям вел каменный или железный мостик, загороженный, как правило, цепью или чугунной калиткой с теми же пиками, что и на ограде. В известном музее Шерлока Холмса в Лондоне дом 221-б имеет не одну, а две двери: одна ведет в жилые помещения, а вторая – непосредственно в лавку на первом этаже. Однако для домов всего с двумя окнами по фасаду вторая дверь была чрезвычайной редкостью, если вообще встречалась. На сохранившихся фотографиях Бейкер-стрит начала XX века при наличии лавки внизу дверь всегда одна, то есть вход в торговое помещение находится уже внутри дома. Некоторые дома имели с фасада специальный вход для прислуги. Он представлял собой дверь прямо под мостиком парадной двери, ведущую изо рва в цокольный этаж, и чугунную или железную лесенку с калиткой, позволявшую к этой двери спуститься. Такой вход для прислуги в английском уголовном жаргоне назывался «агеа» – зона, через которую можно проникнуть в дом.

В цокольный этаж мы еще заглянем, а пока перейдем через мостик и остановимся перед входной дверью. Справа или слева мы непременно найдем скребок для обуви – счищать грязь с ботинок перед входом в дом. Он мог быть приделан к мостику или представлять собой железную пластину, вделанную в особую, примерно с кирпич размер, нишу в стене.

Характерной особенностью парадного крыльца георгианских домов была полукруглая арка и установленное в ней полукруглое окно над дверью. Дверь была филенчатой, выкрашена матовой или полуматовой краской в бронзово-зеленый или киноварью в темно-красный цвет. Часто покраска имитировала текстуру дерева. Поклонники эстетического стиля предпочитали черный цвет, но миссис Хадсон нигде не упомянута в качестве таковой. В тот же цвет, что и дверь, красились рамы окон и все наружные металлические детали. Для дверей были характерны цветные витражи: они пропускали свет в холл, но не давали при этом проникать внутрь любопытным взорам прохожих и торговцев.

Нумерация всех городских домов была установлена актом Парламента еще в 1765 году, а с 1805 года стало обязательным наличие номера дома на двери. Номер 221-б мог быть обозначен разными способами: нарисован на стекле полукруглого окна над дверью, включен в рисунок дверного витража, выгравирован на пластинке (для зрительного акцентирования цифр в этом случае использовался черный воск) или нарисован черным на белой эмалированной табличке. Изготавливались также штампованные и литые номера.

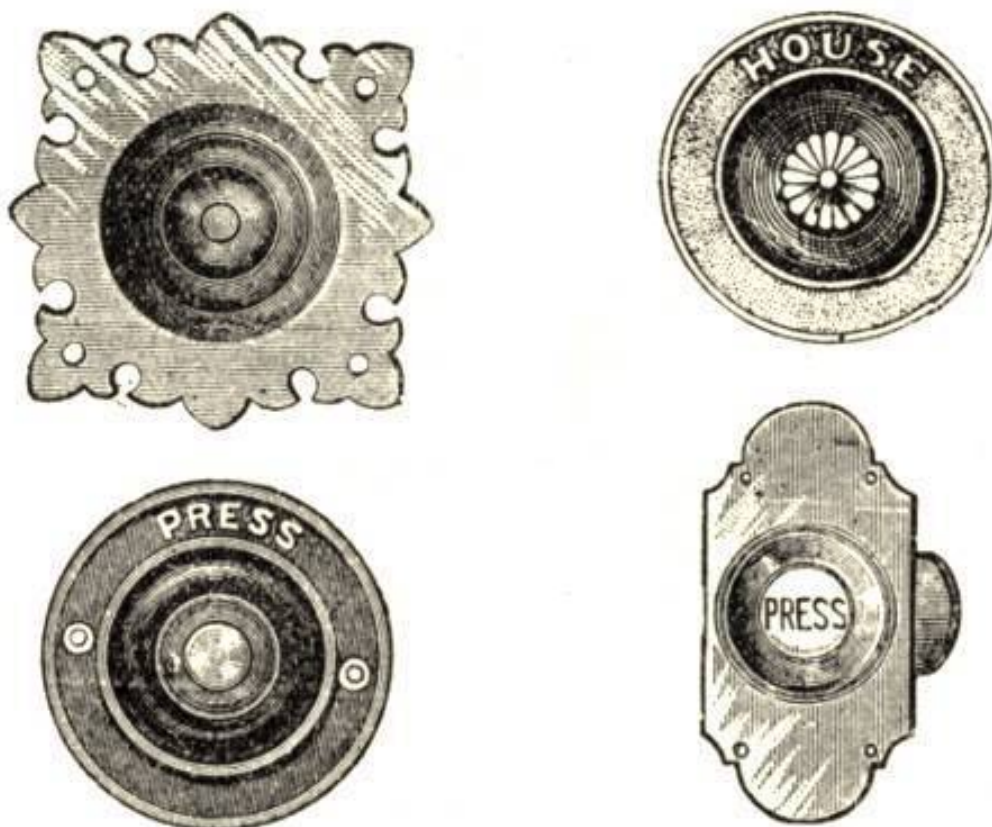
Непременным атрибутом был дверной молоток, крепившийся по центру двери примерно на уровне головы. Уже цитировавшийся Лев Тихомиров писал: «Я слышал, читал у Диккенса об этих молотках, помнил даже, что они называются door nail, но не знал их формы. Оказалось, что это действительно скорее «дверной гвоздь», чем молоток. Это всякая скобка, железная, с железным носиком, прикрепленная на петле к железной доске. Вот этим носиком и стучат в доску, вделанную в дверь. Стук очень сильный и, конечно, может быть чрезвычайно разнообразным. Жители дома или квартиры по стуку узнают – пришел ли зеленщик, или молочница, или просто знакомый. Торговцы и ремесленники все имеют свой особенный стук, и, конечно, легко условиться даже со знакомыми и членами семьи в условном стуке для каждого: мне это понравилось и напомнило, как мы перестукивались между собой в тюрьме. Этот door nail имеет много преимуществ перед звонком.»



Дверной молоток.

Правда, Лев Тихомиров ошибался, полагая, что молочница, зеленщик и другие торговцы стучались в дверь при помощи молотка.

У парадной двери или у входа для прислуги имелся специальный звонок с надписью «Для торговцев», который вел прямо в кухню-чтобы молочник или зеленщик мог вызывать прислугу, не тревожа хозяев. Первоначально звонок приводился в действие специальной ручкой посредством протянутого от нее к колокольчику шнурка, но с развитием электричества распространился электрический звонок в виде круглой медной пластины, установленной на деревянном башмаке.



Кнопки электрических звонков для парадной двери. Рисунок из книги “Sidney F. Walker. Electricity in our homes and workshops”. 1889

Макс Шлезингер также посвятил в своих воспоминаниях целый абзац стуку дверного молотка. «Намного легче выучить язык англичан, чем выучить язык дверного молоточка; и многие иностранцы клятвенно уверяют, что дверной молоток – наитруднейший из всех музыкальных инструментов. Нужен хороший слух и опытная рука, чтобы быть понятым и избежать замечаний и насмешек. Каждый класс общества дает о себе знать в воротах этой крепости ритмом дверного молоточка. Почтальон делает два громких удара в быстрой последовательности; а для посетителя этикет предписывает нежное, но безапелляционное тремоло. Хозяин дома дает тремоло крещендо, а слуга, который объявляет о прибытии своего хозяина, превращает дверной молоток в таран и орудует им с такой доброжелательностью, что дом сотрясается да самых своих основ. С другой стороны, торговцам, мясникам, молочникам, пекарям и зеленщикам не разрешают касаться дверных молотков – они звонят в звонок, который связан с кухней. Все это очень легко в теории, но очень трудно на практике. Смелые, но и неопытные иностранцы полагают, что они утверждают свое достоинство, если действуют дверным молотком с сознательной энергией. Тщетное заблуждение! Их ошибочно принимают за лакеев. Скромных людей, напротив, принимают за нищих. Нечто среднее в этом, как и в других отношениях, является наиболее трудным.»

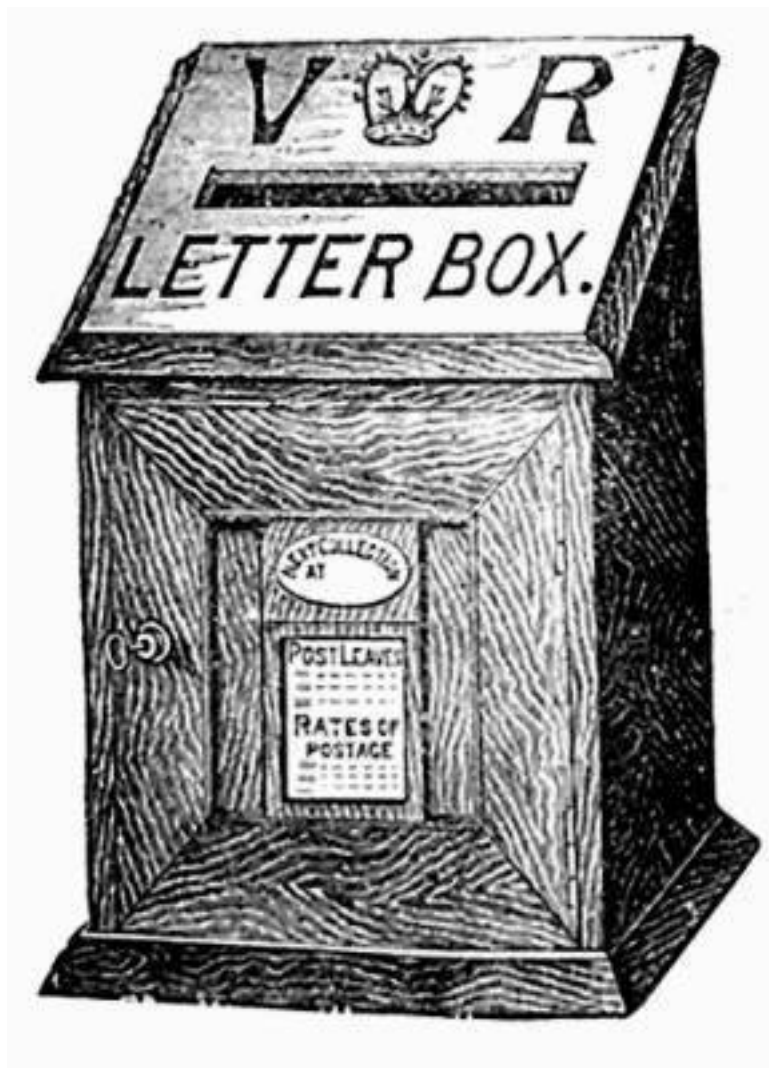


Прачки у дверей дома предлагают свои услуги. Рисунок из журнала "Punch". 1892

Выделение почтальонов в особую группу было связано с тем, что в зависимости от района они разносили в день почту от шести до двенадцати раз и, чтобы прислуга не отвлекалась при их приходе от работы, они дважды стучали в дверь инструментом, похожим на барабанную палочку. Опущенные в щель почтового ящика на двери письма не требовали срочного внимания горничной, и, услышав двойной стук почтальона, она спускалась за почтой, когда имела для этого время. Если же почтальон приносил телеграмму, которую нужно было вручить лично, он стучал дважды по два раза, и тогда уже прислуга бросала свои занятия и шла открывать ему дверь.

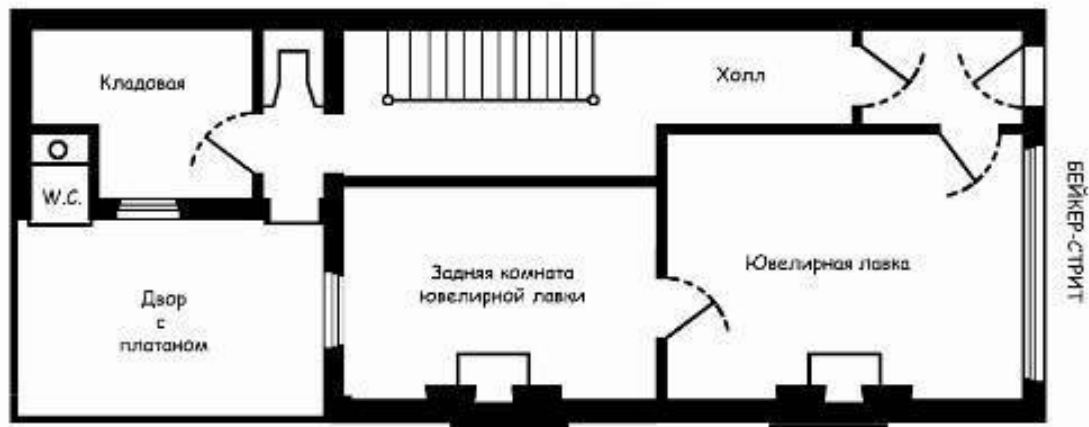
Однако давайте войдем внутрь. Как остроумно заметил Макс Шлезингер, «английский дом похож на дымоход, вывернутый наизнанку – снаружи грязь и сажа, внутри чистота и порядок». Первым делом мы оказываемся в небольшом тамбуре или прихожей. Отсюда одна дверь ведет в ювелирный магазин Бенинга Арнольда, вторая – дальше в холл. Обычно в холле – между входом и лестницей – стояла пара стульев для посетителей, несколько цветочных горшков, могли быть какие-нибудь статуэтки и дешевые картины. Этого в доме миссис Хадсон тоже не было. Холл представлял собой длинный узкий коридор, шедший на всю глубину дома и в дальнем конце имевший выход в дворовую пристройку, откуда можно было попасть на задний двор. Часто в таких пристройках располагалась кухня, но коль скоро мы взяли в качестве прототипа реально существовавший дом, будем придерживаться его плана: пристройка была

слишком мала для кухни. Пол в холле обычно делался либо дощатым, выкрашенным в темно-коричневый цвет, либо выкладывался плиткой.



Почтовый ящик для холла. Рисунок из каталога «JUNIOR Army and Navy Stores». 1893

Примерно посередине коридора располагалась лестница, ведущая в верхние этажи. Здесь самое время сказать, что типичный английский дом той эпохи имел явно выраженную поэтажную иерархию помещений. В георгианскую эпоху, когда строились дома по Бейкер-стрит, первый этаж обычно был занят столовой и так называемой «утренней комнатой» (morning room) – небольшой столовой для семейного пользования, на втором этаже находилась гостиная и кабинет хозяина либо вторая гостиная, третий этаж предназначался для спален, а четвертый, куда вела крутая и узкая лестница, представлял собой пару низких каморок, предназначавшихся для случайных гостей.



Дом 221-б. План первого этажа

Сейчас нам предстоит расселить по комнатам и этажам обоих квартирантов, миссис Хадсон и ее прислугу. Сэр Гарольд Моррис предлагал один из вариантов, автором которого, якобы, был сам Конан Дойл. Столовую на первом этаже, большую комнату размером 7,2 x 4,6 м, создатель Шерлока Холмса, по словам сэра Гарольда, превратил в жилую комнату для «джентльмена из Сити», поскольку доктор Мортимер Моррис полагал, что миссис Хадсон не могла зарабатывать на жизнь, сдавая комнаты только Холмсу и Уотсону, и должна была иметь еще какого-нибудь квартиранта. Гостиная миссис Хадсон занимала комнату позади столовой на том же первом этаже. За ней была еще меньшая комната, служившая спальней мальчику-слуге Билли, и уже снаружи во дворе была кухня и судомойня. Общая гостиная наших героев находилась на втором этаже в передней части дома, а заднюю часть занимала спальня Холмса. Спальня Уотсона была на третьем этаже над гостиной, а комната в задней части дома на этом этаже была приспособлена под лабораторию и мастерскую. На верхнем этаже располагались спальни горничной и миссис Хадсон, а третья комната четвертого этажа была чуланом.



Лестница. Рисунок из журнала "The Idler". 1892

О достоверности воспоминаний Морриса уже говорилось, поэтому мы самостоятельно расселим героев Конан Дойла в доме. Первый этаж, как мы уже знаем, занимала ювелирная лавка Бенинга Арнольда, который еще в середине 1850-х переделал столовую и «утреннюю комнату» в торговые помещения. Поэтому сразу поднимаемся на второй этаж, а помещения на первом этаже дворовой пристройки рассмотрим позже.

В полностью жилых домах внизу у входа на лестницу обычно вешалась широкая портьера; она отделяла общественную часть холла от частного пространства позади занавеси. В доме 221-б такой портьеры, скорее всего, не было. Более того, не только первый этаж, но и лестница на второй этаж не рассматривались в нашем случае как частная область этого дома. Вспомним «Скандал в Богемии», когда Холмс с Уотсоном ожидают у себя наверху некоего графа фон Крамма, в действительности Его величество короля Богемии.

«— Он идет сюда. Садитесь в это кресло, доктор, и будьте очень внимательны.

Медленные, тяжелые шаги, которые мы слышали на лестнице и в проходе, затихли перед самой нашей дверью. Затем раздался громкий и властный стук.

– Входите! – сказал Холмс.»

Поведение посетителей во многих рассказах ясно указывает на то, что путь с улицы в гостиную Холмса преграждала только дверь самой гостиной, поскольку парадную дверь и дверь из прихожей в холл, вероятно, большую часть дня оставляли открытой. Посетитель входил в дом, шел наверх по лестнице и стучал в дверь гостиной (либо врывался без стука, как это сделал доктор Ройлотт в рассказе «Пестрая лента»).

Ни стойки для зонтов и тростей, ни гардероба в доме 221б внизу не было: косвенно это подтверждается частыми упоминаниями о появлении в гостиной у Холмса посетителей в верхней одежде и головных уборах: король Богемии входит, держа шляпу в руках, в «Собаке Баскервилей» д-р Уотсон тоже имеет при себе цилиндр, в «Пяти апельсиновых зернышках» Холмс предлагает явившемуся в бую Джону Опеншо повесить мокрый ватерпруф и зонт на крючок непосредственно в гостиной.

Сама лестница на второй этаж (высотой, как мы знаем, в 17 ступенек) имела, скорее всего, два пролета и лестничную площадку между двумя этажами, откуда можно было попасть на второй этаж дворовой пристройки. Второй пролет был значительно короче, поэтому от лестницы до дверей гостиной имелся проход, образованный с одной стороны стеной, а с другой – перилами. Стойки перил и сами перила были обычно деревянными. Отделка холла, лестницы и лестничной площадки была практически единообразной: плитусы, стенные панели, картинные рейки и двери тонировались в нейтральные темные или средние тона либо красились.

Промежуточные площадки домов, у которых имелся внутренний дворик, имели окна, вероятно даже витражные, которые занавешивались гардинами. Однако на первой такой площадке дома 221-б окна не было, потому что, как мы уже решили, здесь была дверь в пристройку. На этой площадке (или на площадке перед гостиной) в первые годы проживания в доме Холмса и Уотсона мог находиться стул или даже небольшой столик в углу, поскольку до появления «приемной» в квартире Холмса лестничная площадка исполняла роль комнаты ожидания.

Глава 6. Гостиная

Открыв крашеную под дерево филленчатую дверь с четырьмя панелями, мы оказываемся в гостиной. Доктор Уотсон в «Этюде в багровых тонах» описывал снятую ими квартиру на втором этаже как состоявшую из «двух уютных спален и большой просторной гостиной, освещаемой двумя широкими окнами». Идеальная гостиная в те времена должна была быть длинной, с высокими потолками и эркером. Действительно, «гостиный» этаж всех старых георгианских домов на Бейкер-стрит имел очень высокие окна, что хорошо видно на фотографиях того времени. Они начинались практически от самого пола, как современные балконные двери, но никогда не использовались в таком качестве, хотя узенький декоративный балкончик в домах на Бейкер-стрит был обычным делом. Вероятно, уотсоновское определение окон как «широких» означало «больших» – т. е. бóльших чем окна этажей выше, поскольку ширина окон во всех домах по Бейкер-стрит была одинаковой. А вот эркеров в георгианских домах на Бейкер-стрит не было. Мода на них распространилась потому, что они позволяли увеличить площадь окон и, соответственно, количество света, попадавшего в помещения. На Бейкер-стрит эркеры стали появляться в начале XX века, как раз когда Холмс покинул свою старую квартиру и переехал в Суссекс, но и тогда они устраивались только на первых этажах. Конечно, возможно, существовал эркер, устроенный по своему почину каким-нибудь арендатором, но, ввиду строгих обязательств, наложенных владельцем земли на домохозяев (я уже упоминал, что Бейкер-стрит была проложена по владениям Портмана), такое неправильное распределение оконных проёмов по фасаду маловероятно. Даже ради своего почитаемого квартиранта миссис Хадсон едва ли решилась бы на переделку, грозившую ей огромным штрафом вплоть до расторжения договора аренды. Так что упоминание эркеров в рассказах «Камень Мазарини» и «Берилловая диадема» является большой вольностью Конан Дойла.

Рассказ «Камень Мазарини» вовсе нельзя использовать для реконструкции жилища великого детектива по очень простым причинам. Короткая одноактная пьеса «Коронный бриллиант» впервые была поставлена Стенли Беллом на сцене Бристольского ипподрома (Колизеума) в мае 1921 с Деннисом Нельсоном-Терри в роли Шерлока Холмса. Сам же рассказ написан позже, по пьесе. То ли Конан Дойл на старости лет начисто забыл, куда он поселил Холмса 35 лет назад, то ли он писал рассказ в декорациях виденной им пьесы. А театральная сцена все же неизбежно горизонтальная, а не вертикальная и в рассказе тоже возникает ощущение протяженной по площади петербургской или парижской квартиры, занимающей один этаж.



План второго этажа

Насколько гостиная Шерлока Холмса была «большой и просторной» – судить трудно. По утверждению все того же брехуна Морриса, Дойл сказал однажды его отцу про № 21: «Этот дом действительно слишком велик для миссис Хадсон, потому что имеет фасад в двадцать шесть футов, и представляя его, я должен был отрезать по крайней мере шесть футов». Т. е., по представлениям Конан Дойла (или сэра Гарольда) гостиная должна была по фасаду иметь ширину примерно шесть метров. Кстати, выбранный нами в качестве прототипа дом 72 как раз имел примерно такую ширину.

В домах, где существовали столовая и гостиная, последняя считалась комнатой «дамской». Зимой здесь с раннего утра и до поздней ночи горел в камине огонь, здесь проводили семейные воскресные молитвы, эта комната также служила местом, куда дамы удалялись из столовой по окончании трапезы. В квартире Шерлока Холмса столовой не было, гостиная была единственной общей комнатой для обоих квартирантов. До переделки в меблированные комнаты большие двойные раздвижные двери, которые занимали почти всю ширину стены, отделяли гостиную от заднего помещения. Если эти двери открывались настежь, оба помещения образовывали обширную комнату, где устраивали приемы. При переделке помещений второго этажа под сдаваемую в наем квартиру раздвижные двери были демонтированы и заменены обычной одностворчатой дверью, а проем заложен кирпичом и заштукатурен. Образовавшаяся передняя комната, тянувшаяся по всей ширине здания, была отведена под гостиную, а задняя, несколько меньшая и выходившая окном на двор, стала служить спальней Холмса.

Гостиная была местом парадным и потому старательно украшалась. Полы в домах средней руки практически всегда делали из сосновых досок и покрывали ковровыми дорожками, стены облицовывали деревянными панелями. Древесина для панелей вообще говоря, должна была быть дубовой, но по причинам чисто практического характера чаще она делалась теплого темного цвета, например, красного дерева, что подразумевало сосновые фанерки, оклеенные шпоном красного дерева. Еще более экономичными были фанерки, крашенные морилкой под красное дерево. Часто же стены и вовсе обтягивались практичной, коричневатой тканью типа дерматина. В средне- и поздневикторианский период, то есть во времена Холмса и Уотсона, стали использовать рельефную бумагу типа «линкруста» (с 1877 г.), «анаглипта» (с 1887 г.) или «тайнкаслского гобелена». Поначалу они окрашивались так, чтобы придать им вид кожи. Позже они красились в оттенки главного цвета комнаты, например, в темно-бордовый или серовато-зеленый (цвета шалфейного листа). Модны были рисунки в виде свитков, винограда и птиц.

Оформление гостиной в доме 221-б на Бейкер-стрит представляет определенную проблему. Шерлок Холмс жил здесь с 1881 по 1904 год, причем переделка второго этажа под меблированные комнаты и последний ремонт там перед поселением квартирантов приходились, вероятнее всего, на середину 1870-х годов. На это время попадает расцвет нескольких стилей, каждый из которых имел собственные предпочтения. Так, неоготический стиль был популярен между 1855 и 1875 годом, стиль эпохи королевы Анны был популярен с 1860 по 1900 год, с 1867 стал популярен стиль, впитавший идеи Движения прикладного искусства Морриса. С 1860 примерно до 1890 был в ходу также эклектический стиль, смешавший в себе готические и итальянские элементы и элементы более поздних стилей. У нас слишком мало информации, чтобы утверждать, что миссис Хадсон (а позднее ее квартирант) придерживались какого-то определенного стиля.

Если миссис Хадсон была женщиной пожилой, то гостиная ее квартирантов, по крайней мере до первого ремонта, сделанного при Холмсе, имела, скорее всего, яркие флокковые обои или обои, имитировавшие муаровый шелк, с букетами позолоченных цветов, перевязанных позолоченными лентами, и шедших «симметричными рядами, подобно солдатам на параде». С равной вероятностью вместо описанных тканевых обоев стены гостиной могли быть оклеены обоями бумажными. Основной гаммой обоев, имевших мелкий рисунок из завитков, вино-

градных лоз и птиц, был красный с оттенками темно-красного и золотого либо зеленый или серый. Неудивительно, что Холмса, имевшего генетически predetermined художественную натуру, тянуло издырывать эти стены из револьвера. На полу неизбежно лежал ковер, занимавший все пространство от стены до стены, с рисунком из гигантских цветов.

Особое место занимали драпировки. В 1860-1870-х драпировали все: цветочные горшки, лампы, часы, зеркала, каминные полки и даже ножки фортепиано. Как вспоминала американка Сара Данкан, «единственной вещью в комнате, которая не пыталась одеться, была кочерга, и по контрасту она выглядела совершенно голой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.